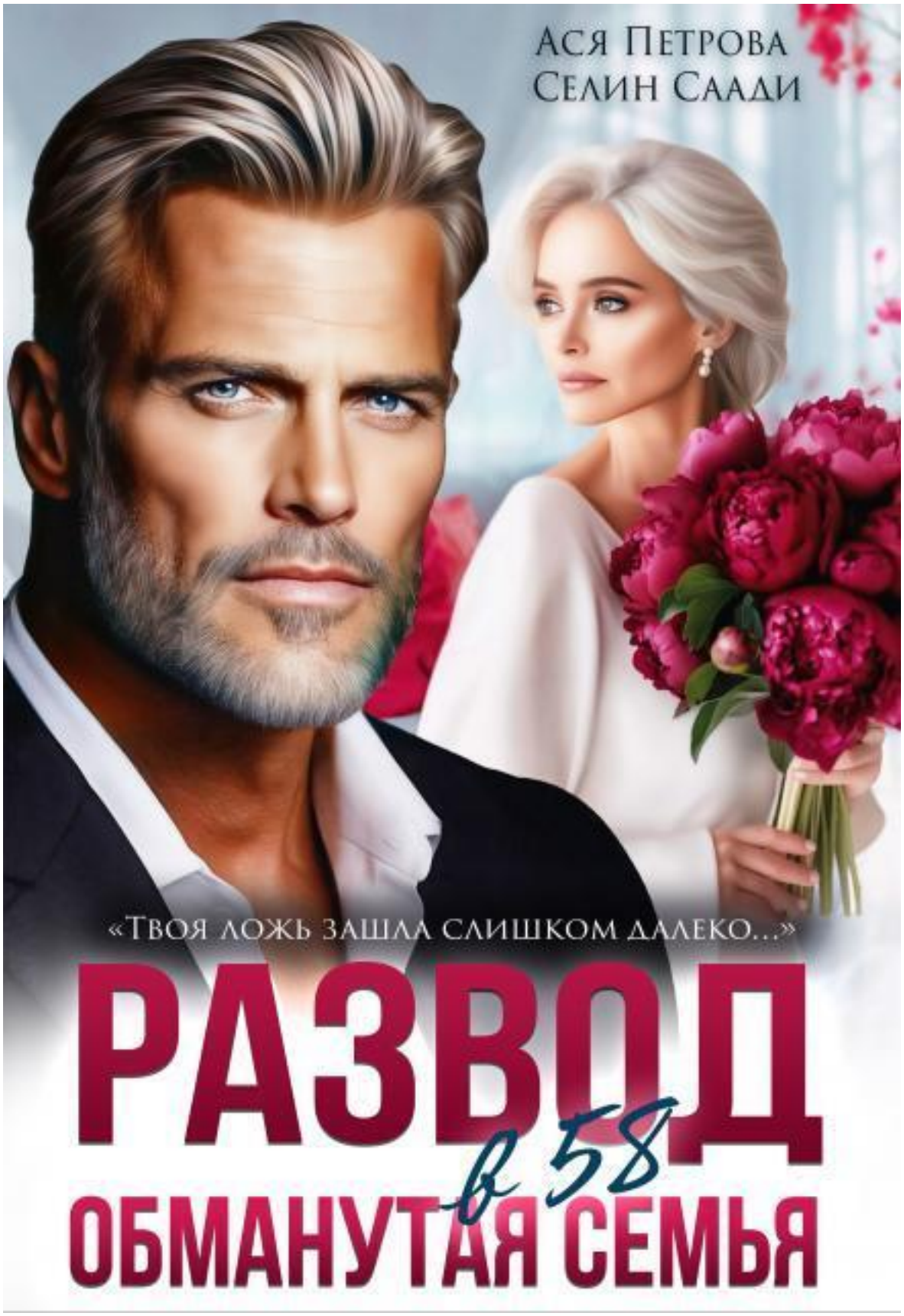

Ася Петрова
Селин Саади
«Твоя ложь зашла слишком далеко...»
РАЗВОД в 58
ОБМАНУТАЯ СЕМЬЯ

Селин Саади

Развод в 58. Обманутая семья

«Литнет»
2025

Саади С.

Развод в 58. Обманутая семья / С. Саади — «Литнет», 2025

— Ладусь, ты чего такая? — касаюсь руки дочери, а она дёргается, как от ожога.— Мама, сними свои розовые очки! Я моргаю, не понимая.— Что?! — Какой ещё совместный отдых?— её голос дрожит, но не от страха — от злости, — Папа давно спит с другой…У нас с мужем крепкий союз: за плечами тридцать пять лет счастливого брака в любви, две взрослых дочери, внуки. Пока на его шестидесятилетии я не узнаю, что у него есть другая женщина.Героев ругать можно, авторов нет) НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ ❤#

© Саади С., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Вера 5
Глава 2. Вера 7
Глава 3. Вера 9
Глава 4. Вера 11
Глава 5. Глеб 13
Глава 6. Вера 15
Глава 7. Глеб 17
Глава 8. Вера 19
Глава 9. Вера 21
Глава 10. Вера 24
Глава 11. Вера 26
Глава 12. Глеб 28
Глава 13. Вера 30
Глава 14. Глеб 32
Глава 15. Вера 34
Глава 16. Глеб 36
Глава 17. Вера 38
Глава 18. Глеб 40
Глава 19. Вера 42
Глава 20. Глеб 44
Глава 21. Вера 46
Глава 22. Глеб 48
Глава 23. Глеб 50
Глава 24. Вера 52
Глава 25. Глеб 54
Глава 26. Вера 56
Глава 27. Лада 58
Глава 28. Глеб 60
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Глава 1. Вера

Запахи наполняют дом, впитываются в стены, в воздух, в меня. Запечённая утка, тёплый хлеб, глинтвейн с нотками корицы и гвоздики. Я проверяю духовку — ещё немного, и можно будет доставать пирог. Всё должно быть идеально. Всё должно быть, как всегда.

Я вытираю руки о полотенце и окидываю взглядом кухню. На плитке ни капли жира, стол накрыт безупречно: хрусталь, фарфоровые тарелки с золотистой каймой, тяжёлые вилки, которые Глеб привёз когда-то из Германии. Всё на своих местах.

— Мама, ты хоть присядь, — устало говорит Лада, появляясь в дверях.

Я улыбаюсь и качаю головой.

— Сейчас-сейчас, только досыплю орехи в салат.

Она закатывает глаза, но не спорит. Лада всегда молча принимает мои привычки, в отличие от Камиллы, которая каждый раз ворчит, что я "слишком стараюсь".

— Гости вот-вот будут, иди встречай, — говорю я, жестом отправляя младшую дочь в гостиную.

Глеб уже там, разливает виски в низкие бокалы, улыбается, рассказывает что-то Максиму. Старшая дочь с мужем и детьми приехали первыми. Камилла расстегивает пальто, одновременно следя за Лёвой и Славиком, которые тут же срываются с места и бегут в детскую.

— Ну что, мама, волнуешься? — с улыбкой спрашивает Камилла, целуя меня в щёку.

— Глупости, — отмахиваюсь я.

Глеб подходит ко мне, кладёт руку на талию.

— Всё как всегда прекрасно, Вера, — говорит он тихо, чтобы никто не слышал.

Я улыбаюсь. Всегда приятно слышать похвалу, особенно от него.

Постепенно гости собираются за столом. Вино льётся в бокалы, голоса сливаются в один непрерывный поток. Камилла болтает с Максимом, обсуждает их будущий летний отпуск.

— Мам, а вы с папой куда летом? Опять на даче? — спрашивает она вдруг, повернувшись ко мне.

— А что не так с дачей? — Глеб усмехается.

— Да ладно тебе, пап. Ты мог бы хоть раз отвезти маму в Европу. Тридцать пять лет в браке — и ни разу не были вместе за границей!

Я смеюсь.

— Камилла, меня всё устраивает.

— Ты просто привыкла так думать, — фыркает она.

Лада всё это время молчит. Её тарелка почти нетронута, вино тоже. Я краем глаза наблюдаю за ней: она напряжена, хмурится, опустила голову.

— Ладусь, ты чего такая? — спрашиваю я, касаясь её руки.

Она дёргается, как от ожога, отодвигает стул.

— Мама, сними свои розовые очки.

Я моргаю, не понимая.

— Что?

— Какой ещё совместный отдых? — её голос дрожит, но не от страха — от злости. — Папа давно спит с другой. Ты что, не видишь этого?

Она отталкивает стул и резко встаёт.

Вино в её бокале подрагивает, как будто тоже потрясено этими словами.

Гости замолкают. В воздухе повисает звенящая, болезненная тишина.

— Лада, — Глеб смотрит на неё с недовольством, но голос у него спокойный.

Она не отвечает. Просто уходит быстрым шагом, даже не взяв сумку.

Я медленно перевожу взгляд на мужа.

— Это… — Камилла сглатывает, сжимает пальцы в кулак. — Это правда?

Глеб отводит глаза. И я всё понимаю.

Что-то трескается внутри, как тонкий фарфор.

Глеб всегда был хорош в словах, в отговорках, в создании идеального образа. Но сейчас он молчит.

Я хочу спросить, хочу кричать, хочу разбить что-нибудь, но не могу.

Просто сижу, вцепившись в край скатерти, и смотрю, как рушится моя жизнь.

Глава 2. Вера

Стыд мгновенно заполняет каждый миллиметр моего существа. Не смею оторвать глаза от множества блюд, что расставлены на столе. Звенящая тишина за столом как отсчет начала конца…

Глеб молчит, хотя, сейчас ведь его должен быть его выход. Облизываю пересохшие губы и дрожащей рукой тянусь к бокалу вина.

И только после этого я с нервной улыбкой, гордо держа голову встаю из-за стола и прошу меня извинить.

Камилла, тут же подрывается тоже, но одним кивком головы отрицаю сейчас ее участие. Низкие каблуки стучат по кафелю, когда прохожу холл в поисках своей младшей дочери, а в пальцы до Бела сжимают оставшееся в руках полотенце.

Сегодня моему шестьдесят лет и сегодня должен был быть идеальный вечер в кругу друзей и близких нашей семьи.

Поднимаюсь на второй этаж, старательно держась за перила. Только ощущение, что чернота уже густой мглой разливается в душе, отравляя ее.

Подхожу к двери комнату Лады и стучусь.

— Лада? — она резко открывает дверь, и я смотрю в заплаканные глаза дочери: — Прошу тебя, что это значит? — голос надламывается и я вхожу в ее комнату тихонько прикрывая дверь.

Дочь смотрит на меня со смесью боли и раскаяния.

— Мам, прости, — она смахивает слезы и нервно садится на свою кровать.

Медленно подхожу к дочери и присаживаюсь на колени. Мне хочется забрать ее терзания, но сейчас в моей душе совершенно неспокойно, чтобы подарить это ей.

— Я знаю, что у отца есть женщина, — озвучивает она уверенно,шмыгая носом: — Я видела, мам… Все думала, когда же он скажет, признается, покается, а он… Праздник этот! Ты со вчера как кухарка на этой кухне, — сцепив зубы со злостью говорит она, пока я застыв перед ней не смею даже сдвинуться: — А он улыбается, строит из себя…

На глаза наворачиваются слезы и заторможенно я облокотивнись на кровать поднимаюсь, чтобы сесть рядом с Ладой.

В груди не хватает кислорода, в глазах рябит., а конечности немеют, будто давление упало.

— Воды, Лада, пожалуйста, — дочка тут же подрывается к своему столику на котором стоит графин и тут же наливает, подавая мне на ходу.

Делаю глоток, все еще сжимая пальцами материю новых полотенец, что купила специально под стиль нашей кухни.

— Лада, мама? — встревоженный голос Камиллы звучит за дверью и дочь открывает сестре.

— Мамуль, ты вся бледная, — спохватывается старшая: — Надо…

— Ничего, Камилла, ничего, — дышу короткими вздохами, чуть оттягивая ворот своей блузки.

— Нет, мама, — решительно заявляет дочь.

И я уважаю и люблю в ней эту черту. Она никогда не спрячет голову в песок, впрочем, как и Лада. Этого я и хотела от них обеих, чтобы они всегда могли постоять за себя и за друг друга.

Вяло улыбаюсь глядя на своих таких разных, но сильных дочек, и держусь, чтобы не показать, как саму надломило внутри.

Я ведь всегда воспитывала им внутренний дух, что делает нас сильнее и мудрее. Что любые невзгоды нам даны с той целью, чтобы мы их прошли и стали могучее и сильнее.

Все, что нам уготовила судьба, мы сможем пережить, говорила я…. А сегодня мне пятьдесят восемь лет, моя жизнь, я уже ее прожила и верила в то, что я счастливица. У меня лотерейный билет счастья, любви и благополучия. Прямо как желали нам на свадьбе тридцать пять лет назад. Влиятельный муж, дом в двести квадратных метров, две дочери, что выросли умницами и красавицами, внуки…

Гармония и крепкий союз. А нет же… Все совсем не так.

— Мам, — Лада видит как я отчаянно сдерживаюсь, правда это не помогает остановить медленно текущие слезы сквозь эту вымученную улыбку.

— Девочки, оставьте нас, — громогласный голос раздается неожиданно для всех троих и мы резко переводим глаза на открытую дверь в комнату Лады.

Мрачный, раздраженный Глеб стоит в проеме, впуская в комнату удушающую для меня энергетику. Камилла резко вскакивает, и я знаю, что она сейчас на эмоциях способна учудить, а Максим остался внизу, поэтому аккуратно хватаю ее за руку.

Лада, скрестив руки на груди, смотрит на меня, но никак не в сторону своего отца.

— Девочки, нам с вашим отцом необходимо поговорить, — тихо говорю им обеим, глазами указывая, что этого разговора не миновать.

— Если тебе что-то будет нужно, — Камилла говорит это нарочито громко: — Мы с Максимом не уедем, если что поедем к нам, — говорит она кивая Ладе.

Не отвечаю на реплику, лишь киваю на дверь, и они решительным шагом выходят из комнаты. Лада даже не задерживается около Глеба, а Камилла, кажется, даже хочет что-то сказать, но лишь громко выдыхает. Глеб заходит внутрь, закрывая дверь и медленно поворачивается ко мне.

Мы рады приветствовать вас в нашей сложной и эмоциональной новинке!

Будем благодарны за поддержку #

Поставьте, пожалуйста, “Мне нравится” и добавьте книгу в библиотеку, чтобы не потерять выход новых глав.

А также можно подписаться на авторов, так как мы подготовили для вас много всего интересного и многообразие новых историй.

Спасибо, что с нами!

Глава 3. Вера

Глеб делает несколько шагов ко мне, и воздух будто сжимается, становится тяжелее. Его высокая, массивная фигура заполняет собой всё пространство, заставляя меня невольно отступить назад. Но я стою на месте. Его взгляд… Он не растерянный, не виноватый. В нём напряжённость, нетерпение — и раздражение, будто я опять веду себя неразумно.

— Верунь, ну что это такое? — Он вздыхает и потирает виски, словно у него раскалывается голова. — Это же чушь собачья. Лада совсем отбилась от рук. Несёт невесть что, а ты сидишь, слушаешь и даже не пытаешься разобраться.

Его голос низкий, хрипловатый, но я слышу в нём скрытое раздражение. Не злость, нет — усталость, словно он устал оправдываться, доказывать очевидное.

Я молчу. В горле будто комок, а слова — чужие, неподходящие. Не знаю, что сказать.

Глеб качает головой, делает ещё один шаг, заставляя меня почувствовать его тепло, его близость.

— Она устроила скандал при всех, унизила тебя, меня… — Его губы сжимаются в тонкую линию. — Мы её слишком разбаловали. Всегда всё прощали, всегда давали волю её капризам. Теперь вот результат.

Я сжимаю пальцы в кулак, ногти больно впиваются в кожу. Это помогает удержаться на месте, не отвернуться, не уйти.

— Лада сказала, что видела тебя с другой женщиной, — наконец произношу я, чувствуя, как каждое слово даётся мне с трудом.

Глеб закатывает глаза, усмехается — коротко, нервно.

— Конечно, видела. Мы были в ресторане, обсуждали деловую сделку. Верунь, ну ты же знаешь, сколько раз я обедал с коллегами. И с мужчинами, и с женщинами. Ты же никогда не придавала этому значения.

Да, знаю. Я помню эти ужины, переговоры, звонки поздно вечером. Глеб — человек, умеющий договариваться, выстраивать связи. Это его работа.

Но что-то внутри меня протестует.

— Ты хочешь сказать, что Лада ошиблась? — спрашиваю я, внимательно вглядываясь в его лицо.

— Да, — отвечает он твёрдо, не моргнув. — Она увидела то, чего нет. Надумала, вообразила. Ты же знаешь, какая она.

Я знаю. Лада эмоциональная, вспыльчивая… но она не лгунья.

Глеб тяжело выдыхает, затем осторожно кладёт руки мне на плечи. Его прикосновение тёплое, почти заботливое, но я чувствую в нём едва заметное напряжение. Он чуть наклоняется ко мне, его голос становится мягче, теплее — тем самым, каким он говорил со мной в самые тяжёлые моменты.

— Верунь, я не хочу, чтобы ты переживала из-за этого бреда, — его пальцы чуть сжимают мои плечи, будто он хочет меня удержать, успокоить. — Тебе нельзя нервничать после операции. Мы же с тобой столько всего прошли… Я не позволю какому-то юношескому бунту Лады расшатать твоё здоровье.

Его взгляд становится почти нежным, и я чувствую, как внутри что-то дрожит, ломается.

Операция… Да.

Несколько месяцев назад я лежала в больнице, слабая, измученная. Белый потолок, резкий запах антисептика, гул голосов врачей за дверью. А рядом — Глеб. Он держал меня за руку, наклонялся, заглядывал в лицо, будто искал в моих глазах подтверждение, что я держусь. Привозил любимые цветы, приносил пледы, следил, чтобы медсёстры не забывали про лекарства. Я чувствовала его заботу, его тревогу, его силу.

Тогда мне казалось: что бы ни случилось, он всегда будет рядом.

Но почему теперь его слова не приносят мне облегчения? Почему внутри не становится теплее?

Глеб притягивает меня к себе, заключает в крепкие объятия. Я ощущаю знакомый запах его одеколона — тёплый, древесный, чуть терпкий. Чувствую жар его тела, размеренное биение сердца. Всё кажется таким привычным, родным…

— Я сам с ней поговорю, — его голос звучит мягко, уверенно, почти умиротворяюще. — Всё уляжется.

Я медленно киваю, впечатываясь в него, как прежде, когда искала защиты. Его руки крепко держат меня, словно обещают, что ничего плохого не случится.

Но где-то глубоко, на самом дне души, что-то колет, холодное и неотступное.

Как будто я стою у кромки воды. Волны лениво накатывают на мои ступни, пробегают ледяными мурашками по коже. Я не знаю, что будет дальше. Оставят ли они меня на берегу — или выскользнут выше, сомкнутся вокруг меня и утащат в пучину.

Глава 4. Вера

Глеб уладил все с гостями, объяснил ситуацию, что дочь не так все поняла. Я же спустилась вниз, пока он разговаривает с Ладой.

Внутри где-то глубоко склизкие щупальца орудуют над моими эмоциями. Однако, есть доля правды в словах моего мужа… и эта уверенность в глазах. Разве был бы так уверен мужчина, у которого есть что скрывать?

Пытаюсь улыбаться гостям и автоматически отвечаю на вопросы. Замечаю, как тяжелой поступью в зале появляется Камилла. Лицо напряженное, губы сжаты в тонкую линию, а глаза выражают наивысшую степень недовольства. Прошу прощения у четы Свиридовых, что являются нашими соседями, и иду на встречу дочери.

— Милая, — останавливаю, нервно улыбаясь: — Не здесь.

Я вижу по ее глазам, что она уже готова взорваться. Максим, ее муж, прищурившись ждёт отмашку от жены, и я знаю, что будет готов тут же прийти на помощь, но сейчас зятя не хочется втягивать.

— Мама! — цедит она сквозь зубы: — Что он тебе сказал?!

— Дочка, родная, — беру ее под руку, неспешно уводя в сторону кухни: — Грязное белье на то и грязное, чтобы складывать его в корзину. И эту корзину обычно устанавливают там, где ее меньше всего видно.

Она вздыхает, но принимает мои слова. Как бы то ни было, устраивать скандал, тем самым унижая всю нашу семью, я не буду. Но как только двери дома сегодня закроются, тогда я в полном спокойствии все обдумаю.

Тот факт, что муж говорит одно, а дочь абсолютно уверена в другом, сбивает меня с толку. Но я должна держать сейчас нейтралитет.

Как раньше на работе, когда ученики что-то учудили, ты должен был разобраться, не навязывая ни на кого ярлыки. Даже если там вдруг стоял отличник напротив двоечника. И ты искал истину, невзирая на свою субъективную оценку, пытался достучаться до каждого из них.

Аналогия конечно вряд ли стопроцентно подходит, но ощущаю я себя именно в таком же положении. На перепутье двух решений, от которых зависит очень многое… Буквально все.

Потому что если Глеб после стольких лет брака, считай, на закате нашей жизни решил поступить со своей семьей так… Обманывая и дочерей и меня, то я не знаю, что будет дальше.

Это будет крайне вероломное предательство. Нож в спину, который буквально разрубит меня на части, заставляя истекать кровью. После всего того, через что мы прошли за последние несколько лет… После бессонных ночей от болезни, бесконечного лечения, и веры, которую он бесконечно нес дочкам и в меня саму.

Да, отчасти, наверное, я даже боюсь представить, что это правда, потому что мы преодолели страшное. Но с другой стороны, мое хрупкое сердце не на месте.

— Ты себя хорошо чувствуешь? — когда мы оказываемся на кухне Камилла тут же задаёт вопрос.

Медленно выплываю из своих внутренних рассуждений и киваю дочери.

— Я прошу тебя, пусть этот день пройдет, хорошо? — она поджимает губы и шумно выдыхает, но тем не менее, соглашается со мной: — Спасибо, родная. Я обязательно разберусь во всем, поверь мне. Просто не в эту минуту.

— Я знаю, мам, — тянется она ко мне с объятиями: — Просто я боюсь, что ты снова…

— Тшш, — глажу ребенка по спине, и пусть ей уже столько же, сколько нашему браку, она все равно моя девочка: — Я ведь в порядке, слышишь? И ты сама возишь меня на ежемесячные осмотры, Камилла. — добавляю с шутливым укором, потому что эту миссию она не доверяет никому.

— Ладно, ма. Просто мы тебя очень любим, — говорит она, а у меня тепло в груди разливается.

Такое слышать от взрослых дочерей самая настоящая награда. Знаю, что у многих наших друзей взрослые дети не шибко проявляют любовь по отношению к своим старикам. Но наши девочки совершенно не такие.

— И я вас, мои сладкие, — улыбаюсь, а затем замечаю в проеме Глеба.

— Лада разнервничалась, и уехала со своим молодым человеком, — добавляет он уже более мрачно.

— Как это?! — тут же вижу, как выпускает шипы старшая дочь.

— Он позвонил, она сорвалась, мы и договорить толком не успели… Я ведь…

— Камилла, дочка, иди к гостям, ладно? Некрасиво так оставлять, мы сейчас, — подгоняю ее, на что она может быть и хочет фыркнуть, но все же уходит в сторону зала.

— Вер, я говорил тебе… Я даже знать не знаю, что это за парень?! — муж проводит рукой по волосам, а мои инстинкты прямо вопят.

— Глеб, сейчас я ни слова не скажу, — голос звучит спокойно, но твердо: — Но мы обязательно вернемся к теме. И с Ладой я тоже поговорю.

— О чем? — тут же он качает головой.

Прищуриваюсь, вглядываясь в него.

— Обо всем, Глеб, — отвечаю задумчиво: — Разве не могу обсудить с дочерью жизнь?

Он закатывает глаза, а затем подходит ко мне и оставляет поцелуй на лбу.

— Вера, вы все, что мне нужно и что я мог желать. Как бы я мог предать твое доверие, родная, ваше доверие? Мы ведь больше половины жизни вместе…

Сердце отзывается на его слова замедленным ритмом, потому что я не знаю как… Но слова дочери вычеркнуть из этого дня не могу.

Наши герои

Вера Рудакова, 58 лет

Глеб Рудаков, 60 лет

Глава 5. Глеб

Я поднимаюсь по лестнице медленно, тяжело, будто несу на плечах груз, который впился мне в кости. Кажется, даже воздух здесь густой, вязкий — дышать трудно. В груди кипит злость, но я должен взять себя в руки. Должен.

Дверь в комнату Лады приоткрыта. Оттуда доносится приглушенный, рваный всхлип. Сердце сжимается, но я глушу это ощущение, вгрызаюсь в него зубами — не время. Глубоко вдыхаю, выравниваю дыхание и вхожу.

— Что, черт возьми, ты устроила?! — голос мой звучит ровно, но я чувствую, как в нем сверкает сталь. Холодная, безжалостная. — Мама только-только оправилась, а ты заваливаешься со своими истериками прямо за праздничным столом! Ты вообще думала, что ты творишь?

Лада вскидывает на меня взгляд. В её глазах столько боли, что на секунду мне хочется отвернуться, но я не могу. Не имею права. Глаза красные, опухшие, губы дрожат. И всё же она не опускает головы, не бежит, не прячется.

— Я истерю? — её голос ломается, но она тут же сжимает кулаки, будто вцепляется в саму себя, чтобы удержаться на плаву. — Ты мне обещал, пап… — горячий, дрожащий вдох. — Ты сказал, что никогда больше не будешь с ней встречаться! Но ты врун. Ты предатель! Я видела вас!

Я сжимаю челюсти, чувствуя, как по телу разливается тяжёлое раздражение. Глубокое, липкое. Ненавижу, когда меня обвиняют без оснований.

— Тебе показалось, — холодно отрезаю я, внимательно наблюдая за её лицом. — Нет никакой женщины. И если ты ещё раз устроишь подобное представление, я просто лишу тебя карманных денег. Думаешь, можешь так легко разрушить семью своими фантазиями? Ошибаешься.

Лада вздрагивает, как от удара. На секунду я даже вижу, как она сжимается, будто пытается стать меньше. А потом её грудь резко вздымается, прерывистый вдох срывается на всхлип.

— Мама не заслужила этого, — выдавливает она, почти шепотом, но в её голосе больше силы, чем в моем хладнокровном тоне. — Ты её убиваешь, понимаешь? Медленно, но убиваешь.

Тишина, нависшая между нами, тянется, как раскаленная проволока. И она обжигает.

— Ты меня услышала, Лада. Ещё одна подобная выходка, и я приму меры.

Наш разговор прерывает звонок ее мобильного. Она с дрожащими руками принимает вызов, пуская слезы вниз по щекам.

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти врезаются в ладони. Внутри всё клокочет, бурлит, словно кипящий котёл, но я заставляю себя не реагировать. Не показать слабости. Разворачиваюсь резко, почти срываясь, и выхожу, захлопывая дверь так, что по коридору прокатывается глухой удар.

Но он не заглушает её слов. Они всё ещё звенят у меня в ушах.

Спускаясь вниз, я чувствую, как с каждым шагом что-то тяжелое оседает в груди. Неприятное, липкое. Как будто в этом разговоре что-то сломалось, перекосилось, пошло не так, но я не могу понять, что именно.

На последней ступени слышу топот ног, Лада проносится вихрем мимо меня, смахивая слезы с лицы. Я окрикиваю ее.

— Я тебя не прощу! Никогда! — она бросает едкие слова мне в сердцах.

— Куда ты? Лада! Вернись!

Я стараюсь ускорить шаг, иду за ней. В коридоре она быстро накидывает на себя куртку, прыгает в свои сапоги, и все, что я успеваю заметить, как моя младшая дочь утыкается в грудь какому-то парню, и он ее увозит.

Отцовской сердце с ревностью и болью стучит внутри. Но я пока дам ей время выдохнуть.

В гостиной, совмещенной с кухней тихо. Слишком тихо.

Вера сидит, её плечи напряжены, руки сложены на коленях. Камилла стоит рядом, сжав пальцы так, что костяшки побелели. Их взгляды устремлены на меня, полные ожидания. Вопросов.

Я задерживаюсь в дверном проёме, коротко бросаю:

— Лада разнервничалась и уехала со своим молодым человеком. Она погорячилась, устроив все это. Устала.

Голос звучит сухо, безжизненно. Я даже не смотрю на них, отвожу взгляд, будто это поможет скрыть нелепость происходящего.

Камилла не двигается, но я чувствую её напряжение. Оно исходит от неё, как натянутая струна, готовая лопнуть. В глазах — недоверие, прищуренный, оценивающий взгляд. Она молчит, но я знаю: её молчание хуже любых слов.

Вера медленно выдыхает и прикрывает глаза. Мне кажется, или в этом вздохе больше усталости, чем веры в мои слова?

Я делаю шаг вперёд, касаюсь её плеча. Тепло её кожи едва ощутимо сквозь ткань, но я чувствую, как она напрягается под моими пальцами. Не отстраняется — но не отвечает.

— Всё хорошо, — тихо говорю я, стараясь, чтобы голос звучал мягче. Спокойнее. — Нам нужно поговорить позже. Наедине.

Она медленно кивает, но не открывает глаз.

— Камилла, дочка, иди к гостям, ладно? Некрасиво так оставлять, мы сейчас.

Камилла фыркает, резко разворачивается на каблуках и уходит.

Ощущение, будто волна усталости накрывает меня с головой, тяжёлая, вязкая. В висках глухо стучит пульс.

И в этот момент меня пронзает мысль. Холодная, как лезвие ножа.

А что, если Лада действительно что-то видела?

И если да…

Что мне делать дальше?

Глава 6. Вера

Наконец-то. Этот вечер закончился, а Глеб только что проводил последних гостей. На самом деле, я не чувствую усталость, хотя, должна бы, учитывая что я с самого раннего утра на ногах. Но, сейчас место усталости занято совершенно не тем, как бы вытянуть ноги на диване и пять минут полежать. В голове беспрерывно крутятся слова дочери, и этот ее отъезд внезапный не дает мне покоя.

В нашей семье заведено, если семейное торжество, то в этот день нет места никаким встречам с друзьями, вечеринкам и прочему. Слова Глеба тоже рядом будто нашептываются кем-то, но громче воспроизводится именно шокирующая новость Лады.

Слышу неспешные шаги и знаю, что это Глеб. Камилла уехала с Максимом и детьми ранее, я предлагала остаться, но дочь была непреклонна.

Сейчас в доме нас всего двое и пора, наконец, поговорить. Надеюсь, что с коньяком он не переусердствовал, потому что, признаться, ждать я больше не могу.

— Веруня, — тянет он немного шальным голосом, а я открывая посудомойку, что только завершила мойку, даже не оборачиваюсь на мужа: — Оставила бы, завтра Лида придет и все, ну…

— Мне не тяжело, — Лида, наша помощница по хозяйству, которая очень выручала семью во время моей реабилитации после операции: — Глеб, присядь пока, я тебе сейчас чая крепкого сделаю.

Указываю за стол, на что мой муж стягивая галстук и вешая его на спинку соседнего стула, с шумом отодвигает стул и садится.

Наливаю чай и ставлю перед ним чайную пару, а сама сажусь напротив.

Я молчу, подперев подбородок рукой. Я жду, когда Глеб соизволит перестать ломать комедию.

Он не обращает внимания на мой испытующий взгляд. Отпивает из чашки, явно обжигая кипятком язык. Сколько лет живем, а это все также неизменно.

— Ну что ты, Вера, уничтожаешь меня своими красивыми глазами? — наконец, реагирует он.

Прикрывает глаза, облокачиваясь на спинку стула, а я смотрю в упор, и уже подсознательно ловлю себя на том, что я не верю ему.

Он не сделал ничего, чтобы снять и отвести подозрения. Он ведь и не отрицал толком факт измены.

Эти доводы приходят так внезапно, как неожиданный гость в доме.

— А что мне еще остается, Глеб? — спрашиваю у него, поджимая губы: — Лада ведь не могла взять это из ниоткуда. Едва ли девушка двадцати четырех лет думает о том верен ли отец ее матери…

Глеб тяжело вздыхает, отворачиваясь в окно.

— Я уже все сказал. Что мне еще сделать? Как тебе доказать? — с такой обреченной усталостью звучат его слова.

— Я не знаю, Глеб, не знаю. Я хочу верить тебе, хочу. Потому что если это правда… — вот тут он концентрируется, в конце концов, будто равнодушно всматривается в меня: — То ты обесценил абсолютно все, что было между нами. Каждый час, день, год ты слил в унитаз в угоду… Я даже не пойму чему, сексу? — качаю головой, и да, возможно сейчас я слишком резка в своих обвинениях, но лицо Глеба транслирует закрытую сдержанную напряженность.

Казалось бы, а что будет чувствовать человек, которого обвиняют в измене. Да только мой супруг должен был бы взбеситься и с чувством говорить, что все это чушь собачья. Однако, этого ведь не происходит.

Реакция на Ладу объяснима присутствием посторонних, но сейчас…?

— Глеб, — нервно усмехаюсь: — Скажи хоть что-то!

Он стеклянным взглядом смотрит будто сквозь меня, но сидит, не шелохнувшись. Проходит минута, другая, а я все жду этих чертовых слов. Даже морально готовлюсь к тому, что сейчас услышу, что эта женщина существует.

Грозовое облако над нами будто даже гремит в преддверии настоящей грозы, но я не позволяю себе раньше времени прятаться.

— Я тут все думал о словах Камиллы, — спустя бесконечную паузу задумчиво начинает он: — Ты разве против пляжного отдыха? Я и на этот год уже забронировал отель в Бодруме.

— Боже! — вскидываю руки, не выдерживая, и не понимая причем здесь вообще это: — Ты хоть понимаешь, что я тебе говорю?! Глеб! Какой Бодрум?!

— Нам же нравилось там, Вер? А Европы эти все, да тошнит от них, сколько там часов в посольствах проведено, туда ж как домой мотаюсь… Благо скоро пенсия, — с недоумением смотрю на него, думая, что либо это коньяк, либо маразм.

— Глеб, — встаю со стула и подхожу к нему: — Ты слышишь меня?! Наша дочь утверждает, что у тебя любовница! — раздражаюсь, но пытаюсь размеренно дышать, хотя по праву хочется взять его за лацканы пиджака и трясти, чтобы услышал.

Проходит буквально секунда, прежде чем на весь дом звучит резкий удар по столу. Подскакиваю на месте от неожиданности и внезапного страха.

— Нет никакой женщины, Вера! — он рычит на весь дом, а я хватаюсь за сердце и шумно сглатываю: — И больше, — он резко отодвигает стул, который издаёт противный звук: — Эту тему я поднимать не намерен! Может ей маршруты мои показывать, чтобы знала где меня проверять?! А?

Он с раздражением дёргано обходит меня, а я обескураженно стою на месте, слушая, как он причитает по мере того, как скрывается из кухни.

— Собственная семья так испоганила праздник, как даже и враг бы не смог…

Глава 7. Глеб

Телефон вибрирует в кармане пиджака, и в груди что-то сжимается. Я понимаю, кто это, и в то же время боюсь, что всё, что скрываю от неё, сейчас станет очевидным.

С неохотой вытаскиваю телефон и, словно в замедленной съемке, вижу её имя на экране. Задумываюсь на секунду, слишком долго, прежде чем решаюсь выйти на веранду. Дверь за мной закрывается с тихим щелчком, и я оказываюсь в этом неуютном вечернем холоде. Всё внутри меня будто замедляется, но мысли, наоборот, мчатся, как сумасшедшие.

Они меня не отпускают — не дают расслабиться, заставляют чувствовать каждую клеточку тела в напряжении.

Стараюсь сосредоточиться, нажимаю на зелёную кнопку вызова.

— Привет, мой хороший, — её голос, такой тёплый и знакомый. На мгновение всё вокруг теряет своё значение, и я просто слушаю её.

— Как твой день?

Я тихо вздыхаю, прикрываю глаза, будто надеясь, что на миг смогу забыть о том, что терзает меня.

— Привет, Алиса. Всё нормально. А ты как?

Она тянет, и я сразу слышу, как усталость пронзают её слова.

— Устала, — ласковый голос мягко дрожит. — Весь день на переговорах. И ещё митинги, баррикады. Париж, как всегда.

— Ты осторожней там, — говорю я, немного хмурясь. — Всё в порядке?

Она выдыхает, и я чувствую, как её голос становится чуть тише, будто она прячется за словами.

— Да, нас вывезли в другое здание. Но всё равно напряжённо. В такие моменты особенно хочется быть рядом с кем-то родным.

Я сжимаю телефон крепче, хотя понимаю, что ей вряд ли это поможет.

Её слова больно задевают. Я давно убеждал себя, что у нас с ней всё легко и свободно, что это просто увлечение. Но теперь я понимаю, что она ждёт от меня большего. И это «большее» я не могу ей дать.

— Как работа? — спрашиваю, пытаясь переключить разговор, хотя внутри чувствую, как тяжело мне даются даже эти слова. Это уже не просто вопрос, а попытка отвлечься от того, что мучает меня.

Алиса мгновенно оживляется. В её голосе появляется энергия, и она начинает рассказывать про новый проект, про сложности, связанные с французами, с которыми почти невозможно найти общий язык. Я слушаю её, ловлю каждое слово, задаю вопросы, комментирую, как всегда. Вроде бы всё по-прежнему: поддержка, интерес, она делится, а я отвечаю. Но в этот момент я ощущаю странную пустоту. Кажется, я совсем не здесь, мои мысли уносят меня далеко. Внутри всё напряжено, будто изнутри кто-то тянет на части. Я чувствую, как тяжело дышать, а мой голос звучит как-то чуждо.

— Кстати, — говорит она после небольшой паузы, и в её голосе я слышу нечто важное, будто она сама почувствовала, что что-то не так. — Сегодня твой день, верно? Круглая дата?

Эти слова, как молния, проходят через меня, и я пытаюсь хоть как-то улыбнуться, но эта слабая улыбка даже меня самого не убеждает.

— Да, всё верно, — отвечаю я, стараясь звучать как можно естественнее, но в голосе всё равно остаётся какая-то тяжесть.

Она замолкает на мгновение, и я слышу, как её дыхание чуть замедляется.

— Почему не сказал? Узнала из уведомления в мессенджере, — её голос принимает шутливый, но чуть уязвимый оттенок. — Поздравляю тебя, любимый.

Это слово… "любимый". Оно будто звучит как болезненный укол. Я прикрываю глаза, пытаясь скрыть всё, что я сейчас чувствую. Тёплое, искреннее и нежное, но в то же время оно заставляет меня чувствовать, как тяжело мне становиться. Это слово как-то слишком много весит.

— Спасибо, Алиса, — отвечаю, и мой голос становится каким-то глухим, как будто я говорю не с ней, а в пустоту.

— Как ты отметил? С кем был? — звучит с искренним интересом, но я чувствую, как она ждёт большего. Она не видит того, что происходит внутри меня, но это ощущение, словно между нами что-то непроходимое, всё равно есть. Я хочу сказать, что был один. Или что вовсе не отмечал. Но вместо этого просто отвечаю.

— Увиделся со старыми друзьями, — говорю я, и пауза в ответ на мои слова становится длинной и тяжёлой.

Она смеётся.

— Должно быть, душевно провёл вечер.

— Да, — соглашаюсь я, но внутри меня всё пусто.

Затишье. Алиса явно что-то хочет сказать, но она как будто раздумывает. В конце концов она спрашивает:

— Глеб… когда ты приедешь?

Я снова делаю паузу. Это первый раз, когда я не хочу поехать к ней. Не потому что не хочу её видеть, а потому, что вдруг понимаю: так больше не будет.

— Не знаю, Алиса. Скоро, но точно сказать не могу.

Она настораживается.

— Что-то случилось?

Провожу рукой по лицу, сжимаю переносицу, пытаясь собраться.

— Нам нужно поговорить. Серьёзно поговорить.

Тишина. Она чувствует, что что-то не так. Алиса понимает, что за такими словами обычно скрывается нечто неприятное.

— О чём? — её голос теперь напряжённый, осторожный.

Я выпрямляюсь, собираясь с силами.

— Давай обсудим это при встрече. Когда ты вернёшься.

— Глеб… — в её голосе уже явное беспокойство. — Это… что-то плохое?

Молчу несколько секунд. Всё, что мне остаётся — сказать ровно:

— Просто дождись нашей встречи, Алиса. Всё объясню.

Она не настаивает, но я чувствую, как её мысли становятся беспокойнее.

— Хорошо, — наконец говорит она, сдержанно. — Буду ждать.

Я отключаю вызов и долго смотрю на тёмный экран телефона. В груди тяжесть. Я сам не уверен, что меня ждёт впереди. Но одно я знаю точно: продолжать эту ложь я больше не могу.

Глава 8. Вера

Уже и не знаю чем себя занять, чтобы только унять беспокойные мысли. Дом в порядке, Лиде указания раздала еще с утра. Сама же провела ревизию в небольшой пристройке к гаражу, потому что там, в основном, все для сада. А так как это моя стихия, я и никого не подпускаю.

Однако, неудавшийся разговор с Глебом не выходит из головы. Как минимум, потому что его реакция с каждой минутой мне кажется кричит все громче и громче о том, что нашей семьи больше нет.

Смотрю на часы, заметив, что Лада уже скоро должна вернуться домой.

Она прошлой ночью написала мне сообщение, что останется у Камиллы. И это еще один повод высказать Глебу все, что я думаю.

В ожидании дочери пытаюсь отвлечься книгой, но едва ли удается сконцентрироваться на том, что читаю.

Поэтому когда звучит хлопок входной двери, я уже двигаюсь в гостиную.

— Лада? — вижу, как она стягивает свой шарф: — Привет, милая.

— Здравствуй , Ма, — говорит она хмуро.

Огонь в ее глазах сейчас окончательно потухший, и мне больно видеть ее такой.

Подхожу к ней ближе и беру за руку.

— Идем, — тяну в сторону гостиной, потому что сейчас идеальное время.

В доме кроме нас никого, а Лида сейчас развлекается в прачечной по моим указаниям.

— А теперь, Лада, расскажи мне все, что знаешь. — сажусь на диван и сажаю дочь рядом с собой.

Она глубоко вздыхает, и прежде чем начать смотрит на свои руки.

— Папа сказал, что это ошибка, — поднимает взгляд на меня, и я вижу в нем, что она не верит, абсолютно: — Но это не так.

Киваю, облизывая губы.

— Хорошо, тогда расскажи мне, и я разберусь во всем, — уверенно говорю, посылая в нее теплую улыбку.

— Однажды я застала его с женщиной, — начинает она медленно: — Она сильно моложе папы, может лет тридцать пять, сорок. Они сидели в обнимку и смеялись. Я еще специально постояла, не сразу ушла. — сжимаю кулак, стараясь слушать дочь с холодным разумом: — Я у него спросила потом, — шокирует она меня дальше: — Он отрицал, сказал, что это вообще все не то, и что подобного больше никогда и не будет, потому что женщина эта партнер и она улетела…

По мере того, как говорит Лада, ощущение, что мои внутренности потихоньку отмирают, как когда-то уже было, только от недуга, а не от действий собственного престарелого мужа.

— Я решила, что может быть и правда накрутила, что там папе приходится делать с этими иностранцами, одному ему известно ведь. Но я же с детства помню, что его работа всегда была непростой. Я отпустила ситуацию, решила даже вам с Ками ничего не рассказывать. А потом… — она сглатывает, и вижу как буквально сцепляет челюсти от нарастающего гнева: — Я снова увидела его, — она на секунду замолкает: — С той же женщиной, мам. — вижу слезы на лице Лады, сама же принимаю информацию с короткими неглубокими вдохами: — Я видела, как она целует его у машины и садится в нее. Это было у здания французского посольства, я как раз хотела заехать к нему, чтобы поговорить по поводу своей поездки с друзьями весной.

Она заканчивает, а я еще некоторое время сижу, не шелохнувшись. Ощущение, что я вдруг провалилась в другую реальность, но даже шевелиться здесь не могу. Будто здесь непригодный воздух для человеческого организма.

— Что он тебе сказал тогда в комнате? — медленно я спрашиваю, глядя, наконец, не сквозь дочь, а на нее.

— Что я все придумала и что мне показалось… — всхлипывает дочь: — Что я делаю только хуже, потому что ты только-только оправилась от болезни, — на последних словах рыдания захватывают ее, и я подсаживаюсь ближе, прижимая ее к себе.

— Ну тише, родная, тише, — глажу ее красивые локоны, хотя сама даже и не скажу, что испытываю.

Шок? Ужас? Боль?

Что я могу чувствовать?

Моему мужу шестьдесят лет. Ни разу за тридцать пять лет брака не было ни малейшего намека… даже какой-то зацепки, что он способен поступить так. Предать и обманывать не только меня… но и, глядя в глаза дочери, лгать, пытаться сыграть своим авторитетом лишь бы не показать свое рыльце в пушку.

Боже. Фу.

— Мам, прости, — плачет дочка, прижимаясь к моей груди: — Я не хотела, чтобы тебе было плохо…

— Лада, дочка, я чувствую себя в порядке, а хуже бы мне было, если бы ты промолчала, — аккуратно приподнимаю ее подбородок: — Я горжусь тобой.

Она кивает и тут же обнимает меня. А я все еще в каком-то ступоре. Словно кто-то нажал на паузу и дальше проигрывать этот сценарий не хочет.

Прикрываю глаза, осознавая масштаб того, что происходит сейчас с моей семьей. Кто бы мог подумать… в шестьдесят. Глеб буквально взорвал мою реальность, признаться.

А еще недавно я помню, как менял мне капельницы и ухаживал в период реабилитации. Но видимо не всегда. Видимо как раз отдыхать он ездил в другое место.

— Ты иди, Лада, я тут еще немного посижу, подумаю, — отпускаю дочь, намекая, что мне необходимо побыть одной.

— Только если что зови, ладно? — киваю с едва уловимой улыбкой, а Лада тихонько исчезает за стенкой.

Как же ты мог, Глеб… Как?

Единственное, что крутится у меня на языке, а когда я слышу, что звучит дверной замок, так и не двигаюсь, замерев на диване неживой статуей.

— Кто-нибудь есть? — громкий голос мужа раздается словно предвестник бури, но я продолжаю недвижимо ждать, когда он меня увидит.

Несколько минут ничего не происходит, я лишь слышу копошение в прихожей. А затем шаги. Тяжелые, вселяющие злость с каждым своим звуком. Ощущение, что сейчас будет вынесен приговор, и ведь, по сути, так оно есть. Он вынес свой приговор мне, сделав это. Теперь настала моя очередь отвечать.

Когда я уже ощущаю его парфюм в зоне гостиной, то тут же слышу.

— Верунь, милая, а ты чего здесь и молчишь? — он оставляет поцелуй в макушку со спинки дивана и только после этого выходит вперед.

Встает передо мной, и теперь я позволяю себе взглянуть в его глаза. Сначала он хмурится, затем теряется и даже голову склоняет. И только после он осознает. Я вижу это по его глазам и тому, как он тут же делает шаг в мою сторону.

Остаюсь невозмутимо сидеть, скрестив руки на груди, и смотреть в это двуличное, подлое и лживое лицо.

Глава 9. Вера

Смотрю в пустоту. В груди — ни боли, ни злости, только усталость. Тягучая, обволакивающая, из-за которой невозможно дышать.

— Глеб, давай не будем делать вид, что я полная дура. — Голос мой ровный, но внутри уже потрескивают искры гнева. — Врать своим близким ради своих корыстных целей — подло. Мне казалось, ты не такой человек. Но, видимо, я действительно была слепа, если так долго не замечала очевидного.

Он резко напрягается, в глазах вспыхивает раздражение. Челюсть сжимается, пальцы на руках чуть подрагивают.

— Ну конечно, эта девчонка опять влезла не в своё дело, — его голос становится резким, почти злым, как лезвие ножа. — Всегда лезет, всегда суёт нос туда, куда не надо! И ты сразу ей поверила? Без разбирательств, без разговоров? Вер, мы с тобой тридцать пять лет вместе! Тридцать пять, а ты готова поверить на слово... ребёнку?

Я медленно встаю. Глубоко вдыхаю. С силой отгоняю от себя усталость, сметаю её, как мусор с дорожки. Отгоняю эмоции, которые, словно хищные птицы, носятся внутри, задевая когтями сердце. Я не дам ему этого удовольствия. Я не покажу слабость.

— Она не ребёнок, Глеб, — мой голос твёрд, но спокоен. — Она взрослая девушка, которая видела тебя с другой. Видела не один раз. И ты хочешь сказать, что мне нужно было что-то проверять? Спрашивать тебя? Ждать, что ты снова солжёшь мне в глаза, как ты это делал… А сколько это уже длится, кстати?

Я вскидываю подбородок, внимательно вглядываясь в его лицо, выискивая признаки раскаяния. Их нет. Только злость. Только страх потерять контроль.

— Мне вот что интересно, — продолжаю я. — Неужели в твоих глазах я такая доверчивая овца, которая заглядывает тебе в рот и ждёт, когда ты положишь туда новую порцию вранья?

Он отступает на шаг, но тут же выпрямляется, натягивает на лицо маску уверенности.

— Не говори чушь! — выплёвывает он. — Ты моя любимая жена… Но, Вера, твоя мягкость сделала с Ладой вот это… Ты не понимаешь! — его голос срывается на крик. — Она разрушила всё! Она вбила клин между нами! Если бы не она, если бы не её проклятый язык... Вер, мы могли бы просто забыть об этом! Забыть и жить дальше! Сколько можно позволять ей вмешиваться?

Горячая волна ярости накрывает меня с головой. За своего ребёнка любая мать готова рвать глотки. Любая любящая мать. А я именно такая. Сейчас вместо лица мужа я вижу только красную тряпку для быка.

— Забудь? — я усмехаюсь, и в этом звуке нет ни капли веселья. — Просто взять и забыть? Какой ты удобный, Глеб. А если бы Лада молчала, сколько бы это продолжалось? Сколько времени ты бы ещё смотрел мне в глаза, клялся в верности, а потом ехал к ней?

Он напрягается ещё сильнее, я слышу, как скрипят его зубы. Он злится. Не на себя. На меня. На Ладу. На то, что кто-то осмелился разрушить его тщательно выстроенную жизнь.

— Чего ты хочешь? — его голос становится глубже, тяжелее. В нём звучит угроза. — Скандала? Развода? Ты хочешь разрушить всё, что у нас было? Тебе почти шестьдесят лет, Вера. Ты хочешь остаться одна? Ты же на пенсии! После болезни! Где ты собираешься брать деньги?

Я медленно качаю головой. Как он просчитался.

Как же он ничего обо мне не понял за все эти годы.

Он думает, что я испугаюсь? Что дрогну? Что отступлю?

Нет, Глеб.

— Ты меня плохо знаешь, если думаешь, что я беспомощна, — говорю я спокойно, но в голосе звучит сталь. — Я востоковед, и у меня всегда была востребованная профессия. Я смогу давать частные уроки по китайскому языку. Ты удивишься, но за это платят очень хорошо.

Я смотрю на него, и вижу, как по лицу пробегает тень раздражения. Он не ожидал этого. Думал, что я начну оправдываться, бояться, умолять его остаться, потому что мне некуда идти.

— И у меня есть дети, — продолжаю я. — Они помогут, если понадобится. Но главное — я помогу себе сама.

Он хмурится, губы сжимаются в тонкую линию. Его бьёт по самолюбию не сам факт того, что я могу остаться без денег, а то, что я не нуждаюсь в нём. Что я не боюсь уйти.

— Значит, так, да? — он цедит сквозь зубы. — Выгнать меня хочешь?

Я смотрю на него спокойно. Его голос звенит напряжением, но я больше не чувствую страха. Только холодную, неизбежную решимость, которая растёт во мне, как ледяной вал. Он пытается представить всё так, будто я его бросаю. Но это он ушёл первым. Я просто ставлю точку.

— Дом остаётся мне, — говорю я твёрдо, чётко выговаривая каждое слово, как приговор. — Всё остаётся мне. Это мой дом, Глеб. Я в него вложила всю свою жизнь. Я не собираюсь делить его с человеком, который меня предал.

Вижу, как у него дёргается щека, как напрягается челюсть. В глазах вспыхивает злость — густая, тёмная, отравляющая. Он ищет слова. Ищет способ надавить на меня. Но он всё понимает.

Тишина между нами тянется, как пропасть. Она чёрная, вязкая, и с каждым мгновением становится глубже. Он пытается придумать, как выкрутиться, как повернуть ситуацию в свою пользу, как снова манипулировать мной.

Но я больше не играю в его игру.

Я делаю шаг к двери, но затем останавливаюсь. Поворачиваюсь к нему, позволяя себе одну-единственную усмешку.

— Отпускаю тебя, Глеб. Но запомни… Если вдруг ты окочуришься под девицей во время секса… Я соскребать тебя не буду, понял? — мой голос ровный, почти ласковый, но от этих слов его передёргивает.

Он сжимает кулаки. Тёмные пятна злости проступают у него под скулами. Но сказать ему нечего.

Теперь он может идти.

Я разворачиваюсь и выхожу из гостиной. Иду медленно, спокойно, но внутри всё дрожит от усталости. От гнева, который я так и не дала себе выплеснуть. От разбитой любви.

Я не жду, что он что-то скажет. Не жду, что он попытается оправдаться или извиниться. Он не из таких. Он будет злиться, будет считать, что я виновата, будет шипеть ядом за спиной, винить Ладу, винить судьбу — кого угодно, только не себя.

Но меня это больше не касается.

Я подхожу к окну, кладу ладонь на холодное стекло. За окном темно. Тёмное небо, редкие фонари, и где-то далеко — чужая жизнь, в которой меня уже нет.

И вдруг я понимаю, что впервые за долгое время чувствую лёгкость.

Она разливается по телу, наполняет грудь воздухом. Я больше не сжимаю кулаки. Не кусаю губы. Не грызу себя изнутри.

Я свободна.

Но вместе с тем…

В груди давящая боль. Тяжёлая, выжженная, пульсирующая.

На сердце рубец после операции.

И на душе такой же.

Боль сковывает, сжимает, заставляет жадно вдохнуть. Я тут же лезу в карман домашнего платья, чтобы найти таблетки. Две. Врач говорил, что иногда можно, если в груди давит от стресса. А сейчас именно такой момент.

Проглатываю горечь пилюль. Жду.

Жду, когда человек, которого я когда-то любила, наконец, уйдёт.

Потому что…

Если честно, то двадцатилетняя девочка во мне, которая когда-то в него поверила, сейчас ужасно хочет рыдать в подушку.

Глава 10. Вера

Таблетки действуют не мгновенно, но быстро. Становится немного легче, правда это только на физическом уровне, а вот что поможет от душевной боли, на это у меня ответа нет.

Знаю, что Глеб еще в доме, я чувствую его присутствие. Даже убеждена, что сейчас он сидит в кабинете, налив себе своего любимого коньяка, и раздумывает… Правда, думать тут совершенно нечего.

Я же сижу в спальне за столом, сняв свои украшения, и рассматривая свое отражение. Уверенность в том, что я знала, что такое наш брак сегодня растаяла, как мороженое. Потому что теперь у меня стойкое ощущение, что наш брак потерян давно…. Не знаю, до болезни или вовремя, но это явно не после… Может быть я просто не хотела видеть очевидного? Не хотела замечать, как он манипулирует и играет чувствами своей семьи… Не хотела чувствовать этот холод в отношениях с Ладой.

Странно, но сейчас я все еще не плачу и не чувствую себя разбитой. Скорее, я ощущаю себя на каком-то перепутье. Будто сейчас мне надо решить в какую сторону двигаться, и чем та или иная сторона будет наполнена. Возможно, будь я моложе, я бы непременно громко отпраздновала развод и рассчитывала еще на то, что моя жизнь вполне еще получит второй шанс на любовь. Но в мои годы, я могу только развлекать себя и думать о себе. Дети взрослые, Лада, конечно, все равно периодически попадает под контроль, но уже не в такой степени.

Когда мысль останавливается на детях, то думаю о Камилле, которая явно тоже переживает, но не дергает, потому что знает, что пока бесполезно. Беру телефон и набираю дочь.

— Камилла, привет, дорогая, — стараюсь звучать не вяло, но от старшей дочери едва ли что-то скроешь.

— Что с голосом, мам, привет, — тут же без предисловий говорит она: — Слава! Перестань! Я кому сказала… — слышу как она воспитывает сына и усмехаюсь, мальчишки, конечно, у нас растут своенравные.

Надо бы съездить к ним на пару дней, или пусть мне привезут детей, сами ребята хоть отдохнут немного.

— Я поговорила с Ладой… — озвучиваю, а Камилла тем временем, видимо, уходит куда-то подальше от места боевых действий сыновей: — И с отцом.

— И? — в ее тоне уже скепсис, и я знаю, что ей будет очень сложно держать нейтралитет: — Он изменял, да? — говорит она тут же.

— Да, Лада видела его с женщиной дважды. — признаюсь я, а дочь на том проводе с ощутимой тяжестью замолкает.

— Так, что будем делать? — не выдавая эмоций, моя дочь включает собранность.

Это вызывает у меня улыбку. Потому что я снова убеждаюсь в своих словах. Обе дочери мне помогут, я не останусь одна, у меня невероятной силы поддержка.

— Ты его выгнала? — тут же следом спрашивает Камилла.

— Да, но он еще здесь. Еще…Я хочу пойти репетитором, — делюсь мыслью с дочерью.

Если признаться, она уже давно крутится в моей голове. Просто болезнь забрала много сил и времени, и вот уже как несколько месяцев, в целом, я могу вести несколько занятий в неделю. Дальше, если потребуется, уже можно увеличить нагрузку.

— Так, мам, давай с врачом посоветуемся, и от этого будем исходить, ладно?

— Ками, — мягко торможу своего ребенка, ее опека бывает уходит за черту.

— Ладно, — исправляется она, потому что разговор на эту тему у нас уже был: — Ладка может создать тебе страничку, и там посмотрите, как пойдет спрос. Только на старте хотя бы не бери по пятнадцать учеников, прошу.

Тихо смеюсь на ее слова, но обещаю, что не буду. Мне и самой нужно вернуться в строй после длительного перерыва.

— А что касается отца, я завтра к нему заеду в посольство, поговорю, — решительно заявляет дочь: — Уж простите, но промолчать на это я не смогу. Даже если вам хочется все мирно и тихо решить.

— Сомневаюсь, что тихо получится, твой отец так не сможет.

— Я просто не понимаю, почему, мам?! — сокрушается Камилла, а я смотрю будто сквозь себя в отражении.

— Захотелось остроты? Надоела вечно больная и слабая жена? Жизнь перестала играть красками… я не знаю, дочка. — выдыхаю, поджав губы.

— Ладно, ма, все, не переживай. Я завтра заеду, хорошо? — отвечаю дочери, что буду ее ждать, и откладываю телефон.

— Это действительно сложно, когда твоя жена постоянно на грани жизни и смерти, Вера, — как только я кладу телефон, слышу голос Глеба.

Оборачиваюсь — и замираю. Он стоит в дверном проеме спальни, засунув руки в карманы брюк. Его взгляд пристальный, тяжелый, будто он пытается прожечь во мне дыру. В полумраке комнаты тень ложится на его лицо, делая выражение еще более мрачным.

— Особенно, когда ты ее любишь, — добавляет он глухо, а я чуть выше приподнимаю подбородок, не позволяя себе ни дрогнуть, ни отвернуться.

— Любимым не лгут, Глеб. И не предают, — говорю ровным голосом, хотя внутри все бурлит.

Он молчит, сжимает губы в тонкую линию.

— Я уже сказал, — наконец бросает он, не собираясь уступать.

Я медленно качаю головой и, чуть склонив ее набок, смотрю на него уже без злости. Скорее с... презрительным сочувствием.

— Глеб, — тяну я, пристально изучая его лицо, — сколько еще ты будешь извращать факты? Если ты хоть немного уважаешь свою семью, перестань уже лгать. Наберись смелости признаться и принять последствия своих поступков. Никогда бы не подумала, что ты можешь быть настолько… жалким.

Он резко сжимает челюсти, его скулы ходят ходуном. Глаза вспыхивают чем-то неясным — злостью, уязвленной гордостью? На секунду мне кажется, что он что-то скажет. Но вместо этого он коротко кивает, разворачивается и молча идет в гардеробную.

Я провожаю его взглядом, прищуриваясь, недоумевая, в чем подвох.

— Что ты делаешь?! — встаю с пуфа, когда вижу, как он снимает пиджак на ходу, развязывает галстук.

Глеб оставляет дверь открытой, а сам уже неспешно расстегивает пуговицы рубашки. Его движения уверенные, будто и не было между нами только что этого разговора.

— Переодеваюсь. А что я обычно делаю по возвращении домой? — его голос спокоен, даже немного насмешлив.

Я смотрю на него, как на сумасшедшего.

— Я сказала тебе, что отпускаю тебя, — чеканю каждое слово, чувствуя, как внутри разрастается буря, как злость скручивается в плотный ком, грозящий разорваться в ураган.

Глеб спокойно стягивает рубашку, остается в майке, затем достает из шкафа домашний комплект.

— А я тебе говорю, что не уйду, Вера. Ты моя жена, и это неизменный факт.

Его голос звучит твердо, но не громко. Просто — как данность. Как что-то, что высечено в камне, что не подлежит обсуждению.

И от этого мне становится еще страшнее.

Глава 11. Вера

Глеб молча выходит из спальни, направляется на кухню. Его шаги тяжелые, уверенные, будто никакого разговора о предательстве не было. Он открывает шкафчик, достает бутылку коньяка, наливает себе полный бокал и с тихим стуком ставит его на стол. Затем берет пульт и включает телевизор, усаживаясь в кресло, как будто это обычный вечер.

Я стою в дверях, наблюдаю за ним. Он действительно собирается просто так продолжить свою жизнь? Без объяснений, без сожалений? В груди медленно закипает гнев. Я делаю шаг вперед.

— Кто она? — мой голос звучит ровно, но внутри все кипит.

Глеб не сразу реагирует. Он делает глоток, словно оттягивая момент, затем лениво поворачивает голову в мою сторону.

— Вера, зачем это тебе? — его голос звучит устало, но в нем нет ни капли раскаяния.

— Как ее зовут? Как давно ты с ней? — я делаю еще один шаг вглубь кухни.

Он моргает, как будто действительно считает эти вопросы ненужными. Как будто измена — это просто незначительный эпизод.

— Вера, эта информация не нужна.

— Кому не нужна?

— Тебе. — Он делает новый глоток коньяка. — Я поставлю точку в ближайшее время.

Я смотрю на него, пытаясь найти в его лице хоть тень сожаления. Но его выражение остается таким же спокойным. Спокойным до отвращения.

— То есть ты еще с ней, да? — голос мой дрожит, но не от слабости, а от ярости.

Глеб снова смотрит на экран телевизора, отмахивается:

— Перестань донимать меня глупыми расспросами. В шестьдесят лет семьи не рушат. Я остаюсь. Мне жаль, что ты так узнала. Жаль, что я не успел закончить до того, как ты узнала. Но разводиться, Верунь, мы не станем. Никому это не нужно.

Мои пальцы сжимаются в кулаки. Костяшки белеют.

Ему жаль, что я узнала… Как мерзко и болезненно эти слова режут по сердцу. Ему не жаль, что он предал. Жаль, что тайна стала явью.

Страшно.

— А если я уйду?

Глеб усмехается.

— Манипуляция не удалась, Вера. Ты никуда не уйдешь.

Он берет бокал, допивает оставшийся коньяк и выключает телевизор. Затем медленно встает и выходит из кухни, будто этот разговор его даже не затронул.

Я остаюсь стоять в темноте. Слышу его ровные шаги в спальне. Он спокоен. Он уверен, что мне некуда идти. Что я останусь. Приму это. Проглочу.

Но он ошибается.

Я медленно подхожу к шкафу, открываю дверцу и достаю дорожную сумку. Все движения четкие, выверенные. Я складываю в нее вещи — только самое необходимое. Несколько комплектов одежды, документы, телефон, кошелек. Сверху кладу теплый кардиган.

В комнате тихо. Только приглушенные звуки ночи за окном. Глеб даже не шевелится. Он не слышит, или делает вид, что не слышит.

Я беру ключи от машины, еще раз оглядываю комнату. В голове странная пустота. Я думала, что буду рыдать. Кричать. Бить посуду. Но нет. Я просто… ухожу.

Выходя в коридор, я ступаю осторожно, не задевая ничего. Спускаюсь вниз, прохожу мимо гостиной. Этот дом больше не мой. Он стал чужим в тот момент, когда в него вошла ложь.

Открываю входную дверь, выхожу в холодную ночь.

Вдох. Выдох.

Я завожу машину. Фары выхватывают из темноты аллею перед домом. Уезжая, я даже не оглядываюсь.

Пишу Ками, что еду к ней и извиняюсь, что так поздно. Дочь тут же отвечает, что ждет, и чтобы я была аккуратнее на дороге.

Улыбаюсь заботе старшей дочери, но горечь от холода мужа никуда не уходит. Это не мой Глеб. Я этого мужчину не знаю.

Мой Глеб тоже не самый эмоциональный человек, но он заботливый и добрый. А этот… Урод. Либо та женщина так на него действует, что смешно. Либо я жила в иллюзиях, что страшно.

Глава 12. Глеб

Когда ночью она ушла, я был готов. Дать время, немного позволить ей остыть, и самому подумать. К тому же, Вере некуда идти, кроме как к нашей старшей дочери и внукам.

Но свою позицию я озвучил четко, мы не разведемся. Я не допущу. Несмотря на то, что ощущаю груз вины от того, как это все вскрылось, все еще думаю, что Лада поступила неправильно. Во-первых, она не должна была лезть. Во-вторых, я бы урегулировал, черт возьми.

— Глеб Петрович, — слышу секретаря в громкоговорителе: — Просили напомнить, у вас через двадцать минут встреча.

— Спасибо, Полина.

Отвечаю, собирая нужные бумаги со стола, и складываю в папку. Семейный раздрай вносит свои коррективы, и снова я пробегаюсь по повестке дня. Надо взять несколько дней, а то толку никакого от такой работы.

Однако, когда я уже собираюсь выдвинуться в сторону нашего конференц-зала, то слышу какую-то ругань.

— Пропустите! — узнаю голос Камиллы и глубоко вдыхаю: — Он знает, что я приду!

Двери распахиваются и в них останавливаются явно не спокойная дочь и растерянная Полина.

— Камилла, что за скандал? — многозначительно глядя на нее, озвучиваю: — Спасибо, Полиночка, предложите нашему гостю кофе, пока я подойду.

Она все еще находясь в замешательстве, кивает, но скрывается, закрывая дверь.

А вот Камилла тем временем скрещивает руки на груди и качает головой.

— С Полиночкой тоже спишь? — кивает она в сторону двери с ощутимой издевкой.

— Камилла! — повышаю голос, ставя кулак на стол: — Прекрати!

— А почему? Тебе значит можно вести себя как последний подлец, отец, а мы должны слушаться? Если ты забыл, я давно от тебя не завишу и не собираюсь даже делать вид. — прямо и грубо озвучивает она.

И в этом вся Камилла. Часть тех черт, которые она забрала от меня и Веры, а вторая часть, которые привила себе сама.

— Как давно? — спрашивает она резко, с вызовом глядя на меня.

— Тебя это все не касается, и Лады тоже. — жестко отрезаю.

— А-а-а, то есть тот факт, что сестра видела, тебя совершенно не останавливает от лжи, так?! — дочка усмехается, и я вижу в ее глазах даже не разочарование, нет, а неверие.

Прикрываю глаза, не представляя, как эту ситуацию исправить. Что сделать,чтобы вернуться в тот день, и все изменить.

Черт.

— Камилла, я считаю, что сейчас нам всем стоит снизить градус, чтобы не допустить ухудшения маминого здоровья, — замечаю, как глаза дочери буквально вспыхивают, и она делает шаг ближе.

— Когда ты ходил налево, ты думал о ее здоровье?!

— Да! — взрываюсь рыком в ответ, оставляя удар на дереве стола: — Думал, мать вашу! Всегда! Каждую чертову секунду! — выдыхаю, швыряя папку с документами подальше.

Но дочь не понимает меня. Я вижу в ее глазах уверенное осуждение и боль. И да, согласен. Но есть но, потому что есть еще моя сторона. Только никто не хочет видеть ее.

— Так, — спустя паузу озвучиваю, приводя хотя бы дыхание в норму: — У меня сейчас встреча, мне нужно идти. С мамой все в порядке?

— Да, — кивает она с нежеланием отвечать.

— Мы поговорим, но для начала надо успокоить эмоции.

— Ответь на один вопрос, — вдруг говорит она, со скепсисом глядя на меня: — Ты был готов оставить маму?

Всматриваюсь в лицо дочки, потирая щетину на подбородке, а потом глухо отвечаю.

— Нет, Камилла. Не был и не буду.

Она никак не реагирует, принимая мой ответ, и жесткости ее взгляд не теряет.

— Я помогла ей подать электронное заявление на развод, просто, чтобы ты знал, — говорит она будто между делом, а затем, медленными шагами выходит из кабинета, оставляя меня одного.

Глава 13. Вера

Я остаюсь одна в доме Камиллы. Тишина тягучая, наполненная чем-то неопределённым, но мне в ней спокойно. Ее муж уехал на работу, дочь повезла детей на кружки, и теперь я предоставлена самой себе.

Решаю приготовить обед. Так проще не думать. Достаю из холодильника продукты, привычно нарезаю овощи. Вода в кастрюле закипает, пар поднимается к потолку. Кухня уютная, наполненная запахами, но я ощущаю внутри пустоту.

Звонок в дверь звучит слишком неожиданно, от испуга я роняю ножик на пол. Опускаюсь аккуратно вниз, поднимаю его с пола.

Ввытираю руки о полотенце и направляюсь к прихожей. В глазок не смотрю, просто поворачиваю ручку и открываю дверь.

Передо мной стоит Глеб.

С букетом. Смешным, нелепым, неуместным. Он держит его уверенно, будто этим жестом может перечеркнуть всё, что произошло.

— Верунь, ну всё, хватит, — его голос тёплый, с лёгкой усмешкой, словно между нами всего лишь небольшая ссора. — Поругались и ладно. Собирайся, поедем домой.

Я медленно моргаю, ощущая, как холод ползёт по позвоночнику. Как он смеет? После всего, что произошло, после лжи, боли, предательства — он думает, что я просто забуду?

— Домой? — пересчитываю в голове секунды, удерживая враждебность в себе. — Глеб, ты серьёзно?

Он вздыхает, переступает с ноги на ногу.

— Конечно, серьёзно. Ну, наговорили друг другу глупостей, ну, ты погорячилась. Всё, хватит. Верунь, поехали.

— Я не собираюсь возвращаться, — спокойно, но твёрдо произношу я.

Лицо Глеба меняется. Он выпрямляется, глаза темнеют.

— Ты же понимаешь, что развод — это глупость? — его голос становится резче, нетерпеливее. — Я тебе говорил, что точку с той женщиной поставлю. Всё кончено. Я обещал.

— Не в этом дело, Глеб, — я устало прикрываю глаза. — Я не могу простить. Я не могу забыть. Мне больно. Слишком больно.

Он сжимает букет так, что стебли трещат в его пальцах. Гнев расползается по его лицу, он делает шаг ко мне.

— Больно? Больно ей, видите ли! — вдруг рычит он, и я вздрагиваю от силы его голоса. — А мне, думаешь, не больно? Думаешь, я не мучаюсь?! Я же мужик, Вера! У меня всё ещё стоит, понимаешь?! Мне нужен секс, он для меня важен! И что, по-твоему, я должен был делать?

Его слова — как пощёчина. Я моргаю, ощущая, как в глазах жжёт. В груди что-то ломается.

— Тогда скажи мне, Глеб, — мой голос дрожит, но я выдерживаю его взгляд. — Почему ты не хотел интима со мной? Я ведь всегда следила за собой. Ты знаешь это.

Он хмурится. Дышит тяжело, как после забега. Грудная клетка поднимается то вверх, то вниз.

— После болезни… Я боялся тебя трогать, понимаешь? — он произносит это почти шёпотом. — Боялся тревожить. Боялся, что сделаю тебе больно.

Я смахиваю слёзы. Глухо смеюсь.

— Ты не хотел тревожить меня? Но при этом ты не боялся изменить? Не боялся разрушить семью?

Он молчит.

Я делаю шаг назад, закрывая дверь перед его лицом.

Замок щёлкает. Глеб остаётся за порогом.
И я впервые за долгое время чувствую, что сделала правильный выбор.

Глава 14. Глеб

Это слишком неожиданно. Приезд Алисы выбивает почву из-под ног, она не частый гость в России, но все же периодически сюда приезжает. Конечно, мы виделись в Москве не один раз, но я старался делать это крайне осторожно.

Не вышло.

Сейчас же, отчасти, наверно и хорошо, что она приехала. Поставлю точку, объясню все ей, она же умная женщина, поймет.

Мне скандалы не нужны, развод тем более. А с Верой… Да, простит она, куда денется. Столько лет вместе, это смешно разводиться. Не вижу в этом смысла, да и не хочу отпускать ее. Мне всегда спокойно, когда она рядом. Но последние дни необъяснимые качели, дома ужасно пусто и одиноко.

Лада делает вид, что не замечает меня. Я для нее стал тенью, пусть обижается сколько хочет, я отец и я точно не должен перед ней оправдываться. Даже если я был не прав, это не дает ей право вести себя как законченная эгоистка.

Подъезжаю к отелю и паркую машину, оставаться здесь на ночь я не планирую, поэтому когда Алиска назвала номер комнаты, я попросил встретиться внизу в баре. Она, конечно, переспросила, почему я не могу подняться…

Сразу замечаю ее. Она сидит у барной стойки, что-то печатает на своем планшете и изящными длинными пальцами держит бокал с красным вином за тонкую ножку. Идеально длинные ноги выглядываю из-под юбки каранда, а выпуклая грудь прячется под шелковой рубашкой.

Член болезненно дергается, но я тут же пытаюсь совладать с собой. Доктор говорит, что это редкость, что у меня еще есть силы и желание, несмотря на такое количество стресса и возраст. Но факт остается фактом. Пока стоит. И крепко.

— Глеб, — она поворачивает голову в мою сторону, на лице широкая улыбка и счастливые глаза. Подхожу к ней ближе, оставляя короткий поцелуй на щеке, она же на моей скуле оставляет след от помады, тут же стирая его большим пальцем. Пытается заглянуть мне в глаза и найти губы, но я обхожу со спины и сажусь рядом, — Что происходит?

Алиса разворачивается на барном стуле и садится в полоборота. Стучу пальцами по барной стойке, заказываю себе стакан воды и американо, сжимаю плотно губы.

— Так, — она резко вскидывает ладони вверх, — Мне не нравится начало нашей встречи, Глеб. У меня сейчас от тревоги тахикардия начнется. Не нужно так. Что случилось?

Ее рука резко хватается за бокал, и Алиса делает жадный глоток.

— Ты очень классная и достойная женщина, — начинаю банально, — И дело не в тебе…

— Черт! — выругивается, — Не смей меня бросать? Слышишь, Рудаков? Только попробуй! Я люблю тебя! Впервые за свои тридцать восемь я кого-то чертовски сильно люблю. Что ты там себе напридумывал? Из-за разницы в возрасте? Да ты лучший любовник из всех, что у меня были. Даже рядом с этими сорокалетними инфантилами не стоишь. Глебушка, — ее голос дрогает, — Не бросай.

Алиса цепляется ладонью за мою руку, и мне становится ужасно жалко ее. Она ведь и правда классная. Умная, красивая, веселая. Но я не думал, что полюбит меня…

— Есть кое-что, о чем я соврал.

Потираю рукой подбородок, тяжело говорить правду, но так правильно. Она тоже молчит и ждет от меня наконец откровение.

— Я не в разводе. У меня жена и двое взрослых дочерей. И… Я не хочу их терять из-за нашей интрижки.

— Что? — в ее глазах тут же читается шок, на неверяще качает головой, — Интрижка? Боже… Ты говорил, что у нас есть будущее. Разве с интрижкой строят будущее?

— Я был нечестен с тобой, Алис. Прости.

Я медленно поднимаюсь со стула, поправляю брюки, рукой касаюсь ее плеча, несильно сжимая. Еще раз извиняюсь.

— Глеб, нет, — она тормозит меня, заплаканные глаза ловят мой взгляд, — Я согласна. Согласна быть твоей любовницей, даже если ты женат. Только не уходи. Умоляю. Я же люблю тебя…

— Алис, так будет правильно.

— Для кого правильно, м? Для нее?

Я опускаю голову вниз, мне нужно уходить, ничем хорошим это не закончится. Алиска умело водит своими ноготками по моей груди, тянется к лицу, оставляя нежные поцелуи на скуле.

— Пошли, мой хороший. Тебе нужно расслабиться. Ты устал…

Она берет меня за руку, крепко сцепляя наши пальцы.

— Раз уж это наша последняя встреча, подари мне ночь, любимый. Прошу тебя.

Глава 15. Вера

— Мам, передашь мне соль, — Лада улыбается, сидя за обеденным столом вместе с Камиллой и мальчишками.

Максим на работе, поэтому мы втроем обедаем почти женской компанией, не считая беготни неугомонных мальчиков вокруг.

— Держи, доченька, — передаю, а сама утопаю в мыслях.

Я пока не говорила, что их отец приходил сюда, но оставить эти мысли тоже не могу. Почему же он так легко сделал выбор в пользу чужого тела? Потому что там по-другому? Новое? Молодое?

А старая жена, к тому же, после множества процедур выглядела так себе? Но я действительно даже в тот период старалась не сдаваться. Старалась выглядеть хорошо, просила девочек помочь с внешним видом… Я даже помню как на нашу годовщину, которая выпала на сложное и опасное время, я в больничной палате устроила нам романтический вечер.

Вспоминаю сейчас, как он смотрел тогда на меня, и слезы на глаза наворачиваются. Он ведь правда не ожидал увидеть меня в платье, волосы конечно пришлось убрать под платок, но макияж сделал свое дело, спасибо девочкам.

Да, я не спорю, что едва ли смогла бы удовлетворить его в тот момент… Но я ведь уже не та старушка при смерти!

Я уже как год после реабилитации, так почему он упорно продолжает делать из меня немощную больную старуху? И главное, о чем он будто нарочно забывает… Почему связь с этой неизвестной женщиной не прекратилось в тот момент, когда я оказалась дома, когда я обрела тот облик, который имею сейчас? Когда, черт возьми, он говорил, что счастлив, что наша жизнь стала как прежде?!

— Мам, — слышу настороженность в голосе Камиллы: — Что такое?

Они с Ладой переглядываются, замечая стекающую слезу, а мне до того обидно, что и словами не выразить.

— Отец приходил сегодня, — признаюсь я.

Камилла напрягается, Лада опускает глаза в тарелку.

— Что хотел? — жестко звучит старшая дочь: — Извинялся небось?!

Киваю, поджав губы. Конечно, я не раскрою всех интимных подробностей дочерям, просто меня действительно обескуражили его слова.

Он боялся тревожить… То есть он изменил, потому что слишком ценит меня?! Так я должна интерпретировать? Это что, новый вид заботы от Глеба Рудакова? И теперь, он с невозмутимой физиономией говорит, что хотел секса… Да только не хотел меня! Вот основа!

С горечью усмехаюсь собственным мыслям, и буквально хочется позвонить ему и высказать это все, однако, понятное дело, что я не стану делать этого.

Раз он у нас такой сочный мужчина, то пусть со своим стояком идет к той самой даме.

— Цветы принес, — озвучиваю девочкам спустя паузу, за которую мысленно сама себя отчихвостила: — Просил закончить этот театр абсурда.

— Ха, — выдает Камилла, разрезая кусок мяса в тарелке: — Я сказала ему, что ты подала заявление на развод, мама.

Добавляет она, бросая взгляд в меня. Она рассказала, что ездила в посольство. Я не одобряю подобные разговоры на работе, но Ками порой сложно удержать.

— Ты же хотела себе страничку? — встревает Лада нарочито бодрым голосом: — Давай после обеда сделаем? Не будем портить такой прекрасный солнечный день, м?

Знаю, что она делает. Разбавляет и отвлекает от насущных проблем, и я очень ценю это. Ценю обеих дочерей, которые готовы стоять рядом со мной.

— Было бы здорово, — озвучиваю я с улыбкой Ладе: — И волнительно…

Это уже добавляю с долей шутки.

— Ой, мам, — отмахивается Камилла: — Все у тебя получится.

Лада тут же подхватывает, кивая.

— Я еще думаю, что долго оставаться здесь не могу, а рассмотрение заявления займет время, поэтому…

— Никаких поэтому, — отсекает старшая дочь: — Макс уедет в командировку послезавтра, мне и правда потребуется помощь с этими сорванцами. Ну а комнат предостаточно, чтобы и не видеться при желании, — добавляет она смеха ради.

— Я совершенно не против посидеть с мальчишками, да и отвезти на занятия, чтобы тебя разгрузить, только распиши мне четко график…

— Спасибо, мам, очень кстати! — выдыхает старшая: — Не ситуация в нашей семье, конечно, а помощь.

Мы договариваемся о мелочах и прочем, а потом, закончив с трапезой, переходим в гостиную с Ладой, а Камилла остается убирать со стола. Когда мы садимся за ноутбук Лады, слышу звонок своего телефона, и беру его с журнального стола.

Номер незнакомый, и я пару секунд хмурюсь, но решаюсь все же ответить. Хоть и понимаю, что сейчас вокруг мошенников развелось.

— Алло? — отвечаю, но на том проводе тишина: — Говорите?

Но снова никакий реакции, отнимаю трубку от уха, смотря в экран, но все равно ни ответа, ни привета.

— Алло?! — предпринимаю еще одну попытку, но потом плюю и отключаю вызов.

— Кто это? — спрашивает Лада пока запускает компьютер.

— Да мошенники какие-то, наверно, — отвечаю и наблюдаю за тем, как уверенно дочка жмет на какие-то ярлыки и вкладки.

Глава 16. Глеб

Полумрак номера давит на мозг. Алиса рядом сладко сопит, а я сижу на кровати, пытаясь, черт возьми, понять, что творю.

Пальцы зарываются в волосы, и я с силой сжимаю челюсти. Хочется орать во все горло, но я лишь со всей силы жмурюсь, будто так это все исчезнет. Эта мятая простынь, этот запах секса и удовольствия, который я ощущаю каждой своей порой.

Вера…

Наливаю стакан воды и дергающимися движениями выпиваю, разливая пару капель. За шторой тускло светит фонарь, пропуская полоску света в номер, а я думаю только о том, что даже точку поставить не смог.

Так, больше это точно не повторится. Как только мы вошли в номер, я сказал Алисе, что это последняя встреча. И Вера никогда не узнает об этом. Я сделаю все, чтобы у нее даже мысли не возникло.

Слышу, как женщина позади вздыхает, и оборачиваюсь на нее. Растрепанные яркие волосы разметались по подушке, а коричневатый сосок упругой груди выглядывает из под одеяла.

Она сексуальна. Крайне. И я бы хотел, чтобы она встретила достойного мужчину, но это не я.

Во что бы то ни стало я должен остаться с женой. Я обязан быть с ней. Я давал клятву… Только сам обесценил свои слова, но она ведь должна понимать.

Я видел, как она угасает, видел, как уже почти готова оставить меня одного… И я доказал ей, что это невозможно. И в тот период что-то сломалось во мне, будто переклинило.

Встаю с кровати и подхожу к панорамному окну, глядя на мерцающие огни города.

Машины мелкими точками снуют туда-сюда, верно говорят, Москва никогда не спит. На часах пятый час, а по ощущениям бессонница лишь только усиливается.

Снова веду глазами на красноволосую женщину, несколько секунд смотрю. А затем киваю сам себе.

Иду к вещам, брошенным на банкетке, и забираю в ванну. Быстро одеваюсь, чтобы не терять время, да и чтобы фаза ее глубокого сна не закончилась.

А после аккуратно выхожу, забирая остатки своих вещей: ключи от дома, телефон и часы. Распихиваю по карманам и когда уже хочу выйти из спальни люкса, слышу ее:

— Глеб? — чуть сипло зовёт Алиса: — Вот так сбежишь? По-английски, как трус? — в ее тоне боль и неверие: — Ты ведь не такой человек…

Она прикрывает белоснежным одеялом свое обнаженное тело, когда встает и медленно двигается ко мне.

— Тебе разве было плохо со мной? — спрашивает она томно: — Вспомни Париж. Ты был подавлен и потерян, из рук все валилось… Разве те мгновения для тебя ничего не значат?

Она останавливается в шаге от меня, а я сжимаю челюсть.

— Алиса, тогда моя жена была серьезно больна… Я…

— А ты ел со мной круассаны у Эйфелевой башни, — продолжает она за меня, и в ее голосе просыпаются металлические ноты.

— Ты появилась в тяжелый момент и благодаря тебе…

— Вот только не надо! — резко она перебивает, мотая головой: — Я не просто чертова ватка для твоей раны, Глеб! Я чувствовала твою любовь, ты можешь обманывать себя, отрицать сколько угодно, но у тебя есть чувства ко мне! — в ее глазах горит огонь той самой обиды на ложь, которую она проглотила.

Она подходит ближе, и ее ногти касаются моей шеи… Она улыбается, но эта улыбка уже не отдает нежностью.

— Алиса, это иллюзия…Ты действительно невероятно притягательна и ты встретишь достойного…

— Глеб, оставь эту чушь для своей супруги! — даже со злостью говорит она.

А затем отпускает вторую руку, которой держала одеяло. Прижимается ближе и заглядывает в глаза.

— Я же чувствую, Глеб, — качает она головой, тянется губами к моим и пытается языком их разжать.

Хватаю ее руками за плечи и слегка трясу.

— Остановись, прошу, — в попытке вразумить, всматриваюсь в ее безумные глаза: — Хватит. Прости меня еще раз.

Разворачиваюсь, не реагируя на ее всхлипывания и слезы. Выхожу из спальни, покидая номер, чтобы наконец заняться тем, чтобы вернуть свою семью.

Глава 17. Вера

— Так, что там у нас? — врач снимает показания с холтера, всматривается внимательно и тут же хмурит нос. Проходит за свой стол и садится с ровной спиной, не проронив ни слова.

Я поправляю свою кремовую блузку на груди, в немом ожидании смотрю на него. Ну что там?

— Вера Алексеевна, а как у нас дела со стрессами и питанием?

Кротко улыбнувшись, присаживаюсь на край стула напротив доктора. Как-то совсем скромно укладываю кончики пальцев на край стола, почему-то перед Борисом Викторовичем стыдно признаться, он мне столько часов лекций прочитал, как я должен следить за своим здоровьем.

— Рыбку вчера напару ела, брокколи… Холестерин в норме, — бросаю беглый взгляд на бумагу с анализами, — Ну и сейчас молочные продукты тоже стараюсь минимизировать…

— Вера Алексеевна, — он качает головой, пытаясь поймать мой взгляд. Но я усердно отвожу его, — А стрессы?

— Ну какие у меня могут быть стрессы, — трясу головой, — Все хорошо, Борис Викторович. А что там такое?

Киваю подбородок с в сторону холтера.

— Не нравится мне, — он как-то по-мужски стучит ладонью по столу. Совсем негромко, но я подскакиваю от неожиданности, — После операции и то показатели лучше были. Либо вы что-то не договариваете, моя дорогая, либо…

Страшно услышать, что операция не помогла. От осознания тщетности слезы скапливаются в уголках глаз, а шрам в районе ключицы начинает жечь с неимоверной силой.

— Каюсь, — выдыхаю тут же с жалобным писком, — Были некие стрессовые ситуации, но я старалась держать себя в руках. Таблеточку выпила.

— И что за стрессы у нас? Кто тревожит?

Карие глубокие мудрые глаза смотрят на меня внимательно. Он словно все считывает, каждое мое движение. Мне даже говорить не нужно, а он будто знает ответ.

Борис Викторович замечательны хирур. Сорок пять лет, выглядит непозволительно хорошо. Крупный, статный, с налитыми мышцами, длинными пальцами на руках, как подобает высококлассному хирургу. Волосы на висках уже слегка схватила седина, но она красит.

— С мужем поссорились немного. Сейчас уже все хорошо.

— Вера Алексеевна, нужно беречь себя. Понимаю, что от всех стрессов не спрятаться, но прошу вас… Нет, я настоятельно вас обязую отгородиться от всех стрессов хотя бы на время. Давайте я вам направление в санаторий сделаю, там пихты, свежий воздух, тропы для прогулок. Вашему сердцу очень нужны эти тропы… — он улыбается, а я не могу не сделать того же в ответ.

— Ну раз тропы… То давайте. Обещаю, что минимизирую стресс.

— Вы знаете, Вера Алексеевна, мы хоть и врачи всегда за науку, но все же медитации и расслабляющая музыка помогают. Мои пациенты практикуют, не все, конечно, но есть те, кто приучил себя. И вам советую. И дыхательные практики. Мы должны научить заново базовым настройкам.

— Хорошо. Так и сделаю. У меня как раз младшая всем этим балуется, все покажет мне и расскажет.

— Вот и славно, — он потирает двумя пальцами переносицу, — Я тогда направление подготовлю, его можно будет забрать через регистратуру. Как готово будет, вам позвонят. И жду через месяц. Вера Алексеевна, — он снова окликает меня, когда я уже жму на ручку двери, — Я не психолог, но все же позволю себе дать вам небольшое напутствие. Если вдруг, ваш муж

не понимает всю серьезность ситуации, то не нужно ничего ему объяснять. Просто делайте так, как это будет вам во благо.

Как же он прав! Глеб совершенно ничего не понимает. Мучает меня своими звонками, своим ненужным присутствием. И правда такими действиями создавая ужасный дискомфорт.

Надоел, честное слово.

Люблю его, конечно. А как не любить после стольких лет брака? Но пожить то еще хочется, мне же всего пятьдесят восемь. Кто там кричит, что это старость, полные глупцы.

Да, здоровье подвело. Но мне дали шанс на жизнь, и как бы я не любила этого человека, мне жизнь сейчас вдвойне дороже наших с ним отношений.

На улице меня уже ждет Камилла. Тут же спрашивает, как все прошло. Я не хочу им врать, но и пугать лишний раз не буду. Критичного ничего нет, поэтому можно и не все рассказать.

Делюсь тем, что доктор мне сделает направление в санаторий. Камилла воодушевляется от этой новости, они с Ладой давно хотели меня отправить отдыхать. Желательно не на дачу.

— Ну как здорово, мамуля, — она выруливает с парковки.

— Папе только не говори, Ками. Хорошо?

— Я вообще ему слова больше не скажу, — тут же резко отрезает дочь.

— Девочка моя, — тяжело вздыхаю. Вот он настроил своих дочерей даже против себя, — Неважно, какие отношения между родителями. Важно то, что он был, есть и будет вашим отцом. Идеальных людей не бывает.

— Не бывает, мам, я согласна. Но и так подло поступать, зная, что твоя женщина пережила на операционном столе… Может только… — она делает паузу, — Подлец. Он подлец, мам. Уж прости меня.

Киваю коротко. А что я могу сказать взрослой дочери? Ругать? Опровергнуть ее слова?

Она достаточно имеет уже жизненно опыта, чтобы дать какую-либо оценк происходящему. Поэтому я не стану лезть со своими советами.

Если Глеб захочет вернуть доверие детей, то ему стоит это сделать самостоятельно. Без моей помощи.

Ведь когда она спал с другой, моего совета он не спрашивал.

Глава 18. Глеб

— Вера, не бросай трубку! — выкрикиваю ей, и неожиданно, но она и правда слушает: — Как ты сходила на прием?!

Она может думать все, что угодно. Что я забыл, что мне плевать. Однако, я все помню, и то, какое количество таблеток ей нужно принять и то, когда у нее плановые встречи с врачом.

— Глеб, — усталый голос настораживает, но я жду продолжения фразы: — Я заеду к тебе, нужно поговорить…

— Я не на работе, ты где? — уже завожу машину, сидя на парковке у работы: — Я приеду, Верунь.

Слышу ее вздох, а затем она назначает встречу не дома, а в кофейне, неподалеку от дома Камиллы.

— Буду через сорок минут, если получится, раньше, — тут же осведомляю жену, что уже еду.

Она ничего не отвечает и сбрасывает звонок. Странно, но она какая-то другая. Иначе реагирует что ли. Слишком меланхоличная… Может ли это быть связано с тем, что анализы плохие?

Хмурюсь, выруливая на дорогу, и чувствую, как медленно и верно тревога заполняет пространство желудка, а затем и легких.

Нет, нет, Вера сильная женщина, все в порядке. Пытаюсь сам себя убедить, а тем временем руки подрагивают на руле. И Камилле не позвонить, она не отвечает на мои звонки с той встречи в посольстве. Если только зятю, но сомневаюсь, что он уже в курсе, будучи в командировке, о которой говорил мне еще на моем юбилее.

Черт!

Сокрушаюсь, потому что то, что я заварил, не так просто решить. Нельзя просто взять и стукнуть по столу, попробовал уже. Только идиотом себя выставил. Может будь я посговорчивее и спокойнее, мы могли бы выйти из этого кризиса…

Смотрю на навигатор, остается совсем недолго, еще буквально пара километров, и я буду, наконец, на месте.

Чем ближе место назначения, тем сильнее волнение атакует. Мы конечно с ней говорили, пару раз, с момента, как она оставила меня в нашем доме и уехала к старшей дочери. Но, с той точки, на которой мы застыли, мы так и не сдвинулись.

Ставлю машину на парковку, заняв одно из двух свободных мест, и наконец, иду в нужное заведение.

Войдя внутрь, не обращаю внимание на персонал, а ищу глазами свою жену. Она сидит за круглым столиком, рядом с зеленью цветов, и смотрит в окно.

Светлые волосы, как всегда, аккуратно уложены. Темное свободное платье смотрится просто и элегантно. На груди висит объемное украшение, в этом и есть моя Вера.

Тут же ругаю себя за то, что не купил цветов, тюльпаны бы сейчас были очень кстати, но как приехал уже.

Двигаюсь ближе к ней, и она, наконец, замечает меня. Отодвигает чашку чая и всматривается своими глазами.

— Здравствуй, Вера, — сажусь напротив, а глаз оторвать ни на секунду не могу.

— Глеб, — кивает она: — Я не сильно тебя задержу. Хочу лишь попросить кое о чем…

Ставлю локти на стол весь во внимании и выжидательно смотрю на жену.

— Хочу, чтобы ты перестал искать общения, встреч, попыток наладить то, что ты уже потерял, — она говорит это с присущей ей мягкостью и спокойствием, а я мрачно хмурюсь:

— Это не доведёт до добра, и главное, Глеб… — она печалью улыбается, но глаз своих не отводит: — Это вредит мне.

Сглатываю ком в горле, гуляя желваками, и тут же тру подбородок.

— Врач попросил исключить любые виды и намеки на стресс, — это она говорит уже немного жестче, пока я пытаюсь переварить информацию: — А сейчас в моей жизни стресс лишь только благодаря тебе и твоей упертости…

— Вер… — хриплю, потому что никогда бы в жизни не смог бы себе простить: — Я не…

— Я знаю, Глеб, — озвучивает она, грея ладони об чашку чая: — Но то, что ты делаешь сейчас оставляет отпечаток. И не только на мне. Будь мужчиной и прими последствия того, что ты сделал.

Не в силах даже что-то ответить я откидываюсь на спинку стула и впервые наверное смотрю на все с другого ракурса. Я всегда ведь оберегал ее, последние годы кормил через трубочку, с ложечки, а сейчас сам делаю все, чтобы…

Твою мать!

— Прости, Вер, — сокрушенно я выдаю, не представляя как за эту свою дурость вообще могу извиниться.

Она ничего не отвечает, только лишь отвлекается на громкий голос неподалеку. Вижу, как бросает туда взгляд.

— Да, этот столик, отлично, — голос, что звучит неподалеку заставляет внутренности перестать качать кровь.

Медленно веду головой в ту же сторону и наблюдаю, как Алиса садится за стол и с нарочитой заинтересованностью разглядывает меню.

Глава 19. Вера

— Вы знакомы? — я коротко улыбаюсь Глебу, внимательно осматривая молодую женщину за соседним столиком. Она яркая, с прямой осанкой, в легком свитере, который идеально подчеркивает грудь, и длинной шелковой юбке.

Сидит, закинув ногу на ногу, качая носком сапога на длинных каблуках. Для чего бессознательно сравнивая себя с ней, я когда-то тоже одевалась довольно сексуально, хоть и не высовывала все достоинства наружу. Прятала грудь, но она все равно всегда привлекала внимание. А бедра… Глеб всю жизнь мне говорил о том, как он любит мои бедра. Целовал их часто после интима.

Я вспоминаю все это с щемящей тоской и… Благодарностью, что ли. Хочется, конечно, верить в сказки, но по правде говоря, я мало знаю мужчин нашего возраста, кто не ударяется во все тяжкие.

Как-то разговаривала со своими знакомыми женщинами, они пригласили меня на выставку молодой художницы. Я редко посещаю светские мероприятия, но в тот день выбраться удалось.

Наталья, владелица галереи, рассказывала про юное дарование, какая эта девушка талантливая и что у нее большое будущее. Более трех бокалов шампанского, и я нашла Наталью на улице, сбоку, где ее почти было не видно.

В глазах стояли слезы, а красивые тонкие пальцы сжимали сигарету.

Она мне сказала, что специально подружилась с художницей, потому что она любовница ее мужа. И… Ей так проще. Держать молодую нимфетку рядом, пока муженек развлекается.

Мне было ужасно жалко женщину, и я почему-то в тот момент даже не поставила себя на ее место, полностью уверенная в том, что Глеб никогда бы так не поступил.

Что ж. Никогда не говори никогда.

Теперь я точно знаю, что мой Глеб так смог поступить. Вопрос в том, что я не смогу так, как Наталья. Мне не хватает такой хитрости, и во многих вопросах я совсем не гибкая.

— Знакомы, — он не отрицает, возвращая свой взгляд в мою сторону, — Это коллега по работе.

— Просто коллега? — улыбаться становится все тяжелее, но я правда стараюсь держать лицо невозмутимым.

— Вер, это все неважно. Для меня важно твое здоровье. И ты важна.

— Подойди поздороваться, — резко перебиваю его, что несвойственно мне. Тело каменеет, я вся на иголках, — Твоя коллега прожигает спину, мне кажется, на твоем пиджаке сейчас образуется дырка.

— Вера, — я вижу, как сжимается его кулак на столе, как его глаза вспыхивают недобрым огнем, — Я здесь с тобой.

— Мы, в целом, все с тобой обсудили, Глеб, — я встаю с места, подзывая официанта легким движением руки, — Достаю свой кошелек и оставляя деньги на столе.

— Ты серьезно? Ты думаешь я позволю свой жене оплатить счет за сраный кофе?

— Ну… Мы уже не живем вместе, поэтому я могу сама…

— Что за хрень ты несешь, твою мать? — бомба взрывается. Глеб вскакивает на ноги, подлетает почти вплотную ко мне, хватая за руку, — Не унижай меня, Вера. Да, я поступил дерьмово. Но не делай так, как делаешь сейчас. Не нужна мне твоя показная самодостаточность и холодность. Я хочу участвовать в твоей жизни, хочу помогать тебе и детям. Не только финансово. Я не хочу терять свою роль мужа и отца. Я виноват, но я извиняюсь.

На нас оборачиваются посетители кафе, и самая главная зрительница откладывает меню в сторону, с большим интересом наблюдая за сценой.

— Во-первых, мне больно, — тяну свою руку на себя, — Во-вторых, я не хочу это обсуждать. Врач ясно дал понять, что если в моей жизни сейчас есть раздражающие факторы, я должна от них избавиться. Это ты. Понял, Рудаков? Ты — раздражающий фактор.

Я бью по самым больным его точкам. Он точно не узнает меня, он точно не верит в то, что я сейчас сказала.

Отходит на шаг, качая головой. Ищет во мне нежную, любящую и покорную жену. И я была готова быть для него такой до конца жизни.

Но у меня есть принципы. И они для меня не рушимы.

Я должна уважать мужчину. А того, кто мне изменил, уважать не получается больше.

Молодая женщина встает со своего места, поправляя юбку. Мне кажется, ей наглости не хватит подойти к нам. Но именно это она и делает. Такого унижения я не вынесу, прощаюсь с Глебом и выбегаю из кафе, промчавшись мимо нее.

Запах французских духов ударяет в ноздри.

Она точно не просто коллега.

Глава 20. Глеб

Смотрю ей вслед и буквально рычу от бессилия. Резко хватаю свое пальто и хочу пойти на выход, но дорогу преграждает Алиса.

— Ты сделала очень опрометчиво, — цежу сквозь зубы, озвучивая женщине.

Она улыбается и делает вид, что не понимает о чем я.

— Не строй из себя овечку, Алиса, — хочу обойти ее, но она шагает в сторону, снова не пропуская меня.

Любопытные глаза в кофейне так и продолжают наблюдать за драмой. А я… Я смотрю на Алису, и готов буквально вышвырнуть ее отсюда.

— Глеб, — мягко стелит она: — Это не больше, чем совпадение.

Прикрываю глаза, считая про себя до трех. Нервы не к черту. А слова Веры так и крутятся в голове.

Раздражающий фактор.

Я всегда пытался оберегать ее, а сейчас я тот, кто причиняет ее здоровью ненужные волнения… Как я вообще до этого докатился?! Это оказывается бьет сильнее, чем я мог представить. Даже не тот факт, что она обижена и ведет себя словно мы не прожили хренову тучу лет вместе.

Ну кто разводится в шестьдесят?! Я не отпущу ее. Это не обсуждается. Она — моя жена, и должна быть со мной.

— Ты слышала мои слова, сказанные жене? — без каких-либо эмоций обращаюсь к Алисе.

— Я, кстати, думала, что она будет рыжей, ну или шатенкой. Удивлена, — намеренно тянет и несет какую-то чушь.

— Что ты хочешь? — подхожу ближе, вглядываясь в ее глаза.

— Пообедаем? — тут же кивает за свой столик, а мне глаза закатить хочется.

— Алиса, — предостерегающе цежу: — Прекрати этот балаган. Все кончено.

Она улыбается, а когда тянет руку к лацкану моего пиджака, то я отодвигаюсь, не давая ей такой возможности. Вижу, как женщина вздергивает бровь и улыбается.

Не могу понять ее поведение, от того еще больше хмурюсь.

— Мы, Глебушка, не можем расстаться, — озвучивает она: — Потому что я люблю тебя, а значит мы подумаем, как можно разрешить сложившуюся ситуацию.

Вот сейчас я уже уверен, что она не в себе.

— Алис, — стараюсь смягчить тон: — Не позорься, не падай так низко.

Вижу недобрый огонек, который вспыхивает в ее зрачках. Но она быстро его гасит, а я лишь качаю головой.

— Я не хочу тебя видеть, понимаешь?

Она вскидывает подбородок выше, но не сдается. Путь не освобождает, лишь скрещивает руки на груди.

— Сегодня вечером, в восемь в ресторане “Кристалл”, — уверенно продолжает она гнуть свою линию: — А если тебя не будет на нашем свидании, то мы обязательно познакомимся с Верочкой поближе.. Уверена, нам есть что обсудить.

Стискиваю челюсти до чертового хруста, как бы зубы не выпали. Рука сжимается в кулак, и я дергаными движениями накидываю пальто на руки.

Твою же мать!

— Алиса, не смей, — указываю на нее пальцем, буквально тыча в лицо: — Даже, черт возьми, близко подходить к моей жене! Слышишь?!

Она улыбается, но без улыбки. Лишь, блядь, с каким-то дьявольским наслаждением, а затем льнет к моей груди, обнимая.

— Я расскажу тебе сегодня, что чувствую Глеб, — шепчет она: — Ты должен меня понять… Разве ты не чувствуешь мою боль?!

С силой сжимаю глаза, поднимая их к потолку. Дышать ровно даже не получается, потому что хочется провалиться сквозь землю, мать его.

Какого хрена она вытворяет?!

— Я приду сегодня, — высекаю, глубоко вздохнув: — Но только для того, чтобы поставить окончательную точку, Алиса. Без манипуляций и дешевого шантажа из сериалов, слышишь?! — она вскидывает на меня свои улыбающиеся глаза, а я буквально уверен, что она обезумела: — И если после сегодняшней встречи, ты не оставишь меня… Мою жену, моих детей… Не вычеркнешь из жизни, то следующий наш разговор, Алиса, будет совсем другим.

Даю понять, что ей не удастся удержать власть одними угрозами разговора с Верой, потому что если она не выполнит свои условия, то я пойду на крайние меры. Не одна она осведомлена о моей жизни, мне известно многое, только она об этом еще не знает.

— Я буду с нетерпением ждать нашей встречи, родной, — томно шепчет она, и наконец, отпускает меня.

Отходит к своему столу, не сводя глаз, а я выдыхая покидаю эту гребанную кофейню.

Надеюсь, Вера поехала к Камилле, потому что я намерен завершить наш разговор.

«Раздражающий фактор»…

Меня как стоп краном резко останавливает посреди парковки. А если мои идиотские попытки и это давление приведут к тому, что она…

Так, нет, дам время.

Я не могу рисковать ее здоровьем, лучше поговорю с Ладой, она наверняка все знает. Сажусь, наконец, в машину, обдумывая как смогу выудить информацию у дочери, учитывая наши отношения сейчас.

Старый придурок!

Пару раз ударяю по рулю, потому что эмоции буквально разрывают. Тянут в разные стороны злость, раздражение, страх и вина. А как, мать его, исправить?!

Глава 21. Вера

— Мам, возьми этот кардиган. Там вечерами будет прохладно, — Камилла протягивает мне светлый сверток из кашемира, который я тут же укладывая в чемодан, — И вот эту флисовую куртку.

Дочь сильно переживает, поэтому пытается держать ситуацию под контролем. Даже такая мелочь, как сбор вещей, сейчас для нее важна. Она хочет, чтобы у меня не было забот, чтобы я максимально расслабилась. И мне приятно такое внимание и поддержка детей. Но, к сожалению, та яркая женщина из кафе никак не выходит из головы.

— Кроссовки лучше эти взять, — она достает из чемодана те, что я уже уложила, и кладет другие, — Они с амортизацией и больше подходят для долгих пеших прогулок.

— Ками, — я хватаю свою девочку за руку, — Доченька, все же хорошо. Ну чего такая дерганная вся?

— Не знаю, мам. Внутри все неспокойно.

— Не переживай. Я буду звонить вам каждый день, давать краткий отчет о своем самочувствии. Там будут врачи, свежий воздух, правильное питание. Ну сказка же!

— Ты права, мам. Я просто гиперопекающая мать… И видимо вдобавок такая же дочь. Если не могу контролировать процесс, то мне аж плохо.

— Дочь, иногда нужно отпускать ситуацию. Нельзя держать себя в напряжении, нервы ведь не железные, канат постоянно натягивается, в какой-то момент может лопнуть. И начнутся необратимые процессы. Ты у меня молодая, нужно беречь себя смолоду.

— Я просто… — Ками откладывает брюки в сторону, отходя к окну. Спина ровная, прямая, как пол линейке, только даже на расстоянии звенит ее нервозность, — Вы же с папой были для меня идеалом семейных отношений. Я Максиму вас ставила в пример и говорила, что хочу также. А сейчас… Переношу поступок отца на Макса, и мне страшно, мам.

— Ками, — прикрываю глаза, ощущая страх и боль родного и любимого ребенка, — Нет идеальных людей, это правда жизни. Все идеалы у нас только в голове. И то, что твой отец так поступил, не говорит о том, что твой муж так сделает. Мы с твоим папой многое в жизни прошли. И голодные девяностые, и сытые нулевые, и ссоры у нас были, и периоды затишья были, счастливых моментов тоже было много. Жизнь же она многогранна. Но видимо моя болезнь отца сломала, — пожимаю плечами, — Так бывает. У мужчин внутри все иначе устроено. То, что женщина проходит с достоинством, для них оказывается испытанием. Он не бросил нас, он заботился обо мне как мог. Но его мужское эго оказалось важным элементом. Каждый мужчина хочет видеть рядом с собой красивую, здоровую и полноценную женщину. Я в тот период этого дать не могла.

— Ты его оправдываешь, мам?

— Нет, Ками. Это констатация факта. Сколько историй, где женщина выхаживает своего больного мужа, раненого или сломанного? Женщины часто себя в жертву приносят. Не знаю… Мы так устроены, что дети, мужчины — это наша ноша. А у них все не так устроено. У них их эго во главе стола. Вот и все. Я не виню твоего отца ни в чем, мне больно, Ками, сильно больно. Но я… — признаюсь впервые вслух то, о чем боялась раннее сказать, — Почему-то когда лежала в больнице, я думала о таком исходе. Но, честно, не предполагала, что это случится.

— Накаркала, получается?

— Если веришь в суеверия, то да. Если знаешь жизнь, то это просто анализ ситуации.

— Мамочка, — она срывается на слезы, падая ко мне в объятия, — Нельзя жить в идеалах. Так больно оказывается, когда все рушится.

— Испытывать боль — это нормально, дочь. Главное, не затягивай себя в долгие страдания. Дай себе время, а дальше продолжай жить жизнь.

Мы больше не возвращаемся к этой теме. Заканчиваем собирать чемодан, получается сильно больше вещей, чем я планировала изначально. Но, в целом, они все нужные.

Мы устраиваем кофе-брейк с миндальным пирогом на террасе, пока мальчишки не вернулись с доп кружков и не забрали все внимание матери на себя.

У ворот останавливается иномарка. Совершенно незнакомая. Камилла тут же звонит на охранный пост, уточняя, кто это.

— Мам, сказали, что это к тебе.

Она недоуменно смотрит на меня, а я испытываю такие же эмоции. Понятия не имею, кто это. Но через секунду все становится слишком очевидным, но жутко шокирующем.

Я могла предположить все, что угодно. Но не то, что та красноволосая женщина из кафе, что не дает мне покоя несколько дней, так легко выйдет из своей машины и помашет мне рукой, как ни в чем не бывало.

В этот момент я на секунду злюсь на зятя, что он не успел доделать ворота. И эта… Видит нас, словно я и моя семья сейчас обнажены перед ней.

— Кто это, мам?

— По словам твоего отца, это коллега. Но…

— Я поняла, мам, — дочь воинственно понимается с места, вставая в позу защиты, — Женщина, вы не заблудились? — она кричит ей.

— Добрый день! — непринужденная улыбка и такая же походка, — Нет, я к вашей маме, Камилла. Буквально на пару слов, если позволите.

— Не позволяю, — дочь делает шаг вперед, — Ваш визит был не запланирован. И это не очень уместно и воспитанно с вашей стороны.

Эта женщина тормозит посреди двора. Смотрит на Ками внимательно, усмехается.

— Вы похожи на своего отца. Что ж, тогда я без предисловий, раз вы не позволяете, — она поворачивает голову в мою сторону, — Вера Алексеевна, у меня к вам большая просьба. Повлияйте на своего мужа, пожалуйста, чтобы он умел нести ответственность за поступки, которые совершает. Я бы никогда к вам не пришла, но вижу, что вы женщина интеллигентная и воспитанная. Глеб же показывает себя не с лучше стороны.

— Немедленно покиньте частную территорию, — Ками спускается с террасы, — Иначе я вызову полицию.

— Вера Алексеевна, скажите вашему мужу, пожалуйста, что дети — это результат обоих партнеров, а не одного. А то он открещивается от нашего ребенка.

Она успевает договорить фразу, и Ками тут же налетает на нее, толкая в грудь.

Я же в этот момент ощущаю сначала дикую тяжесть, которая наваливается на меня сверху, а потом небывалую легкость. И темноту. Больше ничего.

Глава 22. Глеб

— Лад, — стучусь в комнату к дочери, знаю, что она там: — Можно?

За дверью тишина, дочка или еще игнорирует, или ее нет.

Заглядываю, приоткрывая дверь. Она сидит в наушниках и что-то пишет за столом.

Прохожу, аккуратно закрывая дверь. И она видимо реагирует на движение, резко поворачивает голову. Стягивает наушники, глядя на меня

— Поговорим? — поджимаю губы, ощущая какое-то бессилие.

— Окей, — откладывает ручку и чуть отодвигается от своего стола.

Прохожу вглубь комнаты и сажусь на небольшой диван. Ставлю локти на колени и складываю руки в замок.

— С чего начать… — усмехаюсь как-то глупо.

Шестьдесят лет, а найти слов не получается.

— Может быть с извинений, пап? — подает голос Лада, глядя на меня.

Киваю, осознавая, что это то, что я должен был в первую очередь ведь сделать. Однако, нападение — лучшая защита, как говорится. Пусть и отдает это дурацкой глупостью.

— Я был не прав, Лада, — киваю, искренне осознавая, что это так и есть: — Я абсолютно не боялся, что ты расскажешь, и в тот день на празднике, ты застала меня врасплох.

— Я достаточно молчала, отец, — говорит она: — И больше не могла скрывать от мамы, она не заслуживает такого. После того, что она пережила. Извини, но я всегда выберу ее. — она говорит это все спокойно, без нарочитого пафоса, как может молодежь, а скорее с тихой уверенностью.

— И я бесконечно рад этому, — искренне озвучиваю Ладе то, что думаю: — Скажи мне, как ее здоровье? — наконец, задаю тот вопрос, который с кофейни не дает покоя.

— Она говорит все в порядке, и… — Лада как-то задумывается, но спустя паузу продолжает: — Мама сегодня уезжает в санаторий, Борис Викторович выписал направление.

От неожиданности округляю глаза и расслабляю ворот рубашки. И ведь не сказала ничего, гордячка где…

— Во сколько?! Насколько? Куда?

Факт того, что я не знаю, что происходит в собственной семье, выбивает из колеи. Более того, эта дезориентация, она давит тем, что все точно не так легко и просто, как я наивно, старый идиот, полагал.

— Ну вроде бы три недели, — пожимает плечами дочка: — Они сейчас с Камиллой вещи собирают, дальше мы едем ее провожать…

Осознаю, что Вера сделала все, исключив из этой цепочки меня. И это осознание, как катком по чертовому раскаленному асфальту.

— Откуда отправляется поезд? С какого вокзала? — мрачно спрашиваю, глядя на дочь.

— Не надо, — качает дочка головой, а я в ответ лишь прожигаю тяжелым взглядом.

— Я иначе не могу, Лада. Если я не буду с ней, то хотя бы проводить ее на перроне, я ведь не чужой человек…

Она молчит, но потом берет свой телефон. Что-то там быстро нажимает и откладывает его.

— Я отправила тебе номер вагона, время и вокзал, — говорит она, а я, поджав губы, киваю.

— Спасибо, дочь…

— Это не ради тебя, — коротко высекает она: — Это ради того, чтобы ты понял, что тебе не удастся стереть то, что было сделано.

Дальше она демонстративно отворачивается. Смотрю на время, в скором времени нужно ехать к Алисе, чтобы, наконец, разобраться раз и навсегда. Но оставлять вот так разговор с дочерью…

Громкий звук ее телефона разрывает пространство, сбивая с собственных мыслей.

— Да? — дочка берет трубку пока я встаю с кровати и пересекаю ее комнату.

Только в оглушительной тишине комнаты даже я слышу крик Камиллы в динамике.

— Маму везут в больницу! Ей стало плохо! Езжай туда!

— Как?! Что случилось?! Все же было… — Лада судорожно вскакивает, натягивая кофту, а я ошарашено стою посередине комнаты.

Внутри будто отключилось все. Остановилось. В прошлый раз, когда ее вот так везли в скорой, она практически не дышала. Смотрю на свои руки, которые трясутся мелкой дрожью. И этот тремор лишь начало того, что может быть дальше…

— Все потом, Лад. — и после этого Ками отключается.

Лада секунду смотрит на экран, затем на меня.

— Отойди, пап, — хочет она пройти мимо.

— Куда ехать?! — хриплю, не двигаясь с места.

Глава 23. Глеб

Мы с дочерью вместе влетаем в больницу как сумасшедшие. Лада рыдает, не переставая, я же пытаюсь унять свое сердце, которое нестерпимо ноет и желает, чтобы с Верой все было в порядке.

Что могло произойти? Почему ей резко стало плохо? Не понимаю… Врач уверял, что операция поможет ее сердцу работать лучше, что не будет таких приступов. А по итогу она снова в больнице.

Я не сразу замечаю старшую дочь, только когда Лада срывается с места и бежит к Ками в объятия. Следую прямо к ним, желая скорее все узнать.

Но Камилла резко обходит сестру, выставляет руку вперед и одним жестом тормозит меня.

— Не смей приближаться. Тебе здесь не рады.

От волны агрессии я действительно останавливаюсь посреди коридора, не сразу находя ответ. Но через секунду свирепею, если девочки думают, что им так позволено разговаривать с собственным отцом, то я их расстрою. Сейчас не время демонстрировать свой характер и обиды.

— Как ты с отцом разговариваешь? — я повышаю голос, — Где мама? Что говорит врач?

— Ах, мама… Тебя и правда волнует ее здоровье, пап? Или может просто совесть мучает, что не до конца добил? Я никогда не думала, что ты такой подлый человек.

С ее глаз скатываются слезы одна за другой, я резко хватаю старшую дочь за локоть, встряхивая. Спишу все на шоковое состояние, воспитательный процесс проведу позже. Но такое хамство без внимания не оставлю.

— Закрой рот, Ками. Мне сейчас не до твоих обид. Где мать? — я еле выговариваю по слогам, потому что злость окутывает меня с ног до головы. А еще от незнания, что случилось с Верой, накрывает двойной волной.

— Ты не станешь больше к ней приближаться, отец, — она качает головой, — Я не позволю. Хватит над ней издеваться, она же живой человек. Скажи спасибо, что я не убила ту дрянь… Потому что, если честно, у меня чесались руки придушить ее. Господи… Ты выбрал себе в любовницы, отец, самую отвратительную мразь, которую только мог. Беспринципную и безжалостную. Я просто так не оставлю это.

— Камилла… Объясни, что происходит.

Я совершенно ничего не понимаю, голова словно отключается. Но дочь продолжает смотреть на меня с ненавистью и отвращением. Пользуется моей секундной заминкой и вырывает руку из захвата.

— Ками, — Лада наконец отмирает и делает шаг в нашу сторону, — Ками… О чем ты?

— Сестренка, ты не представляешь… Женщина, с которой спит наш отец, пришла ко мне в дом. Наговорила гадостей нашей маме. И ей, — ее голос срывается на всхлип, — Ей стало очень плохо.

— Что? — мы с Ладой произносим вопрос в унисон.

— Иди, пап. Разберись со своей будущей семьей, а к нам больше не лезь. И знай, — она поворачивается ко мне спиной, уводя Ладу подальше, — Если ты думаешь, что мы примем брата или сестру, то нет. Я не буду мудрой и всепрощающей. За такое… Не прощают.

Они оставляют меня совершенно одного посреди коридора, шестеренки в голове крутятся, но не так активно, как хотелось бы.

Я дрожащей рукой достаю из кармана пиджака телефон, набираю Алисе. Здесь явно какая-то ошибка, о каком ребенке идет речь, о чем они вообще говорят…

Нет никакого ребенка и быть не может. Я предохраняюсь. Да и Алиса пьет таблетки. Я видел. Мы не раз с ней это обсуждали.

Здесь явно ошибка.

— Глеб, — ее голос мурлычет в трубке, но мне сейчас совершенно не до этого, поэтому я жестко обрываю ее, — Что такое, милый?

— Ты была сегодня в доме моей дочери? Алиса! Отвечай!

— Любимый… Я заходила, потому что не могла тебя найти. Но… Тебя там не оказалось.

Я ударяю кулаком об стену в ярости. Что за дура! Идиотка!

— Ты больная? Зачем ты туда поперлась? Какого хрена ты творишь?

От моего рыка сотрясаются стекла, но мне плевать, что я в больнице. И что меня в любой момент может вывести охрана из-за неподобающего поведения.

— Зачем ты так?

Она почти начинает плакать, но я вновь жестко обрубаю.

— Ты не брал трубку, не пришел на нашу встречу. Я приехала к ним, как твоя коллега. Ничего такого не говорила… Я клянусь тебе, я слова лишнего не сказала. Мне сказали, что ты должно быть в командировке. И я сразу же уехала. Глеб, что случилось?

— Вера попала в больницу. И Камилла уверяет, что это ты сделала. Она сказала про какого-то ребенка… О чем речь, Алиса? Только попробуй соврать.

— Давай поговорим… Пожалуйста. Но не по телефону, Глеб. Ты обещал мне встречу. Приезжай.

Дорогие наши, у нас с Селин стартовала очень эмоциональная и интригующая новинка!
Очень будем рады вам ##
Развод в 44. Сквозь обман
https://litnet.com/shrt/gkr2
Хотите узнать, как карма отыграется на изменщике?

Аннотация:

— Подождите, это, наверное, ошибка!

Курьер, улыбаясь, протягивает мне громоздкий букет.

— Фамилия заказчика — Баринов, — отвечает он, а внутри меня разливается тепло.

— Тогда ошибки нет, — довольная, забираю шикарную композицию из соцветий.

Муж превзошел сам себя. Это совсем на него не похоже.

С замиранием сердца, волнуясь как девчонка, достаю записку. Правда, как только раскрываю её, в груди мгновенно разгорается адовое пламя. Пульс бьется прямо в висках, а ноги подкашиваются. Я оседаю на стул, роняя милейшее послание, адресованное некой Сонечке… Только вот моё имя — Илона.

Глава 24. Вера

Пытаюсь открыть глаза, но ощущение, что веки будто две бетонных плиты. Хочется пить и я почему-то судорожно вожу рукой по койке. Некая паника овладевает мной на доли секунды, где я не могу контролировать себя. Темнота в глазах пугает, а полная дезориентация заставляет тело покрыться испариной.

— Тише, тише, — слышу приятный женский голос: — Вы очнулись, все хорошо. Сейчас я подам вам трубочку, маленькими глотками можно будет попить.

Киваю, не в силах сказать и слова. Сил будто нет, ощущение, что ты вновь слаб, как тогда на пике болезни. Не способен обслужить себя и не в силах быть здоровой и в настроении для своей семьи.

Чувствую как в рот утыкается что-то, и тут же жадно глотаю воду.

Боже.

Я и не думала, что мне настолько хотелось пить.

— Спасибо, — едва слышно шепчу, утолив хоть немного жажду.

— Вера Алексеевна, сейчас я позову доктора, он вас осмотрит, а после можно будет позвать ваших родных.

На словах о родных сердце сбивается со своего и без того осторожного ритма. Киваю медсестре, отворачиваясь в сторону.

Ребенок.

Сейчас ярким пятном красная шевелюра той женщины насмехается надо мной в моем сознании. А боль, что я чувствую в груди вроде бы из-за своего слабого сердца, только болит не так.

Касаюсь ладонью места, где ноет, и чувствую как две горячие слезинки стекают по вискам. Ощущение, что мою душу испили. Безобразно, нагло и бессовестно.

Ребенок.

А Рудаков еще хоть куда… Скорее бы уже приняли заявление, я больше не хочу быть связана с этим человеком. Хочу разорвать эту связь, которая теперь вызывает лишь удушье. Девочки поймут и могут общаться с отцом, точнее продолжат, когда оттают. Особенно Камилла. Но я больше не обязана.

Качаю головой, отгоняя мысли. Если честно, на минутку хочется и правда исчезнуть. И я очень надеюсь, что у моего доктора получится придержать направление в санаторий. Оставаться сейчас в городе у меня нет никакого желания.

Слышу, как в палате кто-то появляется, и дальше в течении нескольких минут меня осматривают, задают вопросы, пытаясь проанализировать мое состояние. Помогают, наконец, раскрыть глаза, и пока меня слишком слепит белый свет, назначают какие-то лекарства, которые медсестра должна будет принести.

— Итак, анамнез оставляет желать лучшего, понимаем, да? — начинает врач, на что я глядя на него, киваю: — Хорошо.

Он хмурится, просматривает записи и сам себе что-то бормочет.

— А домой…

— Э, нет, Веронька Алексеевна, полежим чуток, понаблюдаем, — от досады закрываю глаза: — Понимаю, но давайте исключим опасность и тогда мы готовы хоть на все четыре стороны отпустить.

Киваю с легкой улыбкой, а сама уже думаю, что включить в список вещей. Раньше на такой случай, дома стояла собранная сумка. Сейчас надо будет составить список девчонкам.

Доктора еще около пяти минут беседуют со мной, проговаривая какие процедуры и анализы мне необходимо сдать, а после выходят. В палате становится необычайно тихо, не счи-

тая пиликанья приборов и оборудования, а в моих мыслях продолжается вакханалия в этой зловещей тишине.

— Мама! — Лада влетает в палату с зареванным лицом, и тут же ничком падает на койку, прижимаясь к моей руке.

— Милая! — пытаюсь ее успокоить, хоть и руку тяжело поднять: — Все в порядке! Ложная тревога! — пытаюсь я отшутиться.

— Неудачно, ма, — Камилла появляется следом, и я вижу, как моя сильная дочь скупо роняет свои слезы.

Подзываю ее к себе с другой стороны, и она тут же ложится рядом.

— Простите меня, напугала вас, — шепчу я, оставляя поцелуи в их макушки: — Простите?

Обе кивают и шмыгают носами, а я не даю волю своим слезам, потому что все в порядке. Я не стану лить слезы, только потому что мой муж оказался козлом.

— Мамочка, больше так не надо, — просит меня Лада: — Я думала я сойду с ума, я ведь даже не попроща…

— Тшш, — прошу ее замолчать, не давая договорить: — Мы не будем говорить подобного, потому что нам еще рано, милая, ясно? — улыбаюсь, с убеждением во взгляде смотрю в ее раскрасневшиеся глаза.

— Вера… — тихий хрип заставляет меня застыть, будто в меня кол вогнали.

Прикрываю глаза, не желая ни видеть его, ни говорить с ним. Но это ведь позиция не взрослого человека, поэтому я поднимаю подбородок, встречаясь взглядом с его глазами.

— Чего ты хотел, Глеб? — коротко и равнодушно звучат мои слова.

— Ты в порядке? — лепечет он, держась ладонью за косяк.

— Это теперь тебя не касается, — озвучиваю, и глядя на девочек, я одними глазами прошу оставить нас.

— Вера… — выставляю ладонь вперед и качаю головой.

Я не начну этот чертов разговор при детях. Даже если они уже взрослые и имеют свои семьи. А еще мне и самой нужна минута, чтобы, наконец, поставить эту жирнющую точку в этом, казалось бы, бессрочном браке.

Глава 25. Глеб

— Я рада, что ты пришел, — Алиса поднимается со стула, приветствуя меня, а я одним захватом своей руки сжимаю ее горло. Я не делаю ей больно, просто демонстрирую свою власть, про которую она видимо подзабыла, — Глеб… Отпусти.

— Возьми сейчас же свои вещи, и я жду тебя на улице, Алиса.

Она не задает глупых вопросов, понятливо кивая. Оставляю на столе тысячу за её кофе, который она успела уже выпить. Осушаю стакан воды, потому что в горле нестерпимо жжет, и выхожу на на свежий воздух, ожидая женщину.

Алиса выходит, накидывая на себя длинное пальто с меховые воротником, смотрит куда угодно, только не мне в глаза. Я знаю, что напугал ее, проявление физической силы зачастую усмиряет женщин. Я не переборщил со своей силой, я просто продемонстрировал, что сейчас моя очередь руководить балом.

Причинять физический вред женщине точно не входит в мои жизненные принципы. Хотя… Если честно, когда я увидел свою хрупкую Веру в палате вновь, то испытал жгучую потребность задушить Алису.

— Поговорим в машине, — киваю в сторону своего припаркованного внедорожника.

— Я боюсь тебя, Глеб, — она остается стоять на месте, — И не узнаю тебя.

— Просто ты не думаешь своей головой, Алиса. Я не намерен с тобой церемониться, тем более когда ты перешла черту. Вере стало плохо. Из-за тебя.

— Нет, Глеб, — она качает головой, еще больше кутаясь в свое пальто, — Не нужно спускать на меня всех собак. Первопричина — это твоя измена. Остальное — лишь следствие. Ты также виноват в том, что твоей жене плохо. И вообще, — она наконец смотрит на меня, и ее глаза полыхают огнем, — Я не знала до недавнего времени, что ты женат. И тем более, что у тебя есть дети.

— Сядь в машину! — я рявкаю на всю улицу, и она наконец двигается с места, следуя за мной.

Первую минуту мы сидим в тишине, слышен только звук работающей печки. Алиса дрожит, непонятно от холода или от страха.

— Мы зашли слишком далеко, — начинаю первым, — Одно дело — это секс. Другое, это когда ты позволяешь себе заявится к моей семье как к себе домой. Я таких оплошностей не прощаю, Алис.

— Ты не пришел на нашу встречу и не брал трубку…

Я резко ударяю по рулю со всей силы.

— Потому что я поставил точку! — рычу в ее сторону, отчего она жмется ближе к двери, — Точка — это конец? Ты понимаешь? Конец!

— Я понимаю… Но есть одно НО!

— Ты беременна, да? — недобро усмехаюсь, — Это ведь то, что ты сказала моей жене, да? Только вот удивительным образом ты мне пела в уши все это время, что пьешь таблетки. Врала? Твой план?

— Нет, я действительно пила таблетки, Глеб. Послушай. Я никогда не хотела привязать к себе мужчину ребенком, но так случилось. И что ты мне прикажешь делать теперь?

— Аборт, Алис. Что ж еще. Можешь считать меня последней тварью, но в шестьдесят я не планировал стать отцом, тем более строить семья с другой женщиной.

— Это наш сын или дочь, Глеб. Как ты можешь быть таким бесчувственным?

— Я не хочу этого ребенка! Ты слышишь меня? Не хочу.

Она опускает лицо в ладони и начинает плакать навзрыд. Я никак не реагирую на истерику, давая ей возможность выплакаться и успокоиться.

— А я не хочу делать аборт! — она наконец успокаивается, повышая голос, — Это чудо, что я забеременела. Я всю жизнь мечтала о ребенке и… Я буду рожать, Глеб. Хочешь ты этого или нет.

— Окей, — барабаню пальцами по рулю, — В таком случае никаких алиментов ты от меня не жди. Тем более присутствия в вашей жизни. Да, это жестоко, Алис. Но я сразу тебе говорю на берегу, что ребенка не признаю.

— Ты… Моральный урод, Рудаков. Чтоб ты сдох! И чтоб жена твоя сдохла. Тогда будет тебе уроком, понял?

Она оставляет звонкую пощечину на моей щеке, выпрыгивая из машины. Я даже не успеваю дать ей ответную реакцию, как она тут же скрывается из поля моего зрения.

Внутри клокочет злость. Если выбирать между мной и Верой, то я готов сдохнуть, лишь бы она была жива. Хочется выкорчевать себе сердце, которое ноет. Я оказался слабаком, который не справился с болезнью женой. А теперь мне не отмыться. И тошно от того, что я разочаровал сам себя. И продолжаю это делать.

Осталось только исправить как-то свое положении в ее глазах. Вопрос только, как?

Глава 26. Вера

— Тебя здесь не должно быть, — поворачиваюсь в сторону открытой двери в палату.

Он стоит, прислонившись к косяку, и просто молчит. Разговор, который мы откладывали столько, сколько могли. Но и в котором, по своей сути, мы уже не нуждаемся. Тогда я озвучила свою позицию. Это безвозвратная станция под названием «финал». С нее не возвращаются. И да, грустно, можно даже пустить слезу по былому, однако, иных выходов не существует.

— Прости, Вер, прости, — сокрушенно выдыхает мужчина: — Я все решил. — он входит внутрь и с убеждением смотрит на меня: — Больше она тебя не побеспокоит. Я гарантирую.

Глубоко вдыхаю носом, потому что, в целом, чувствую себя уже гораздо лучше. А врачи обещают не сегодня, так завтра меня выписать. Что аккурат мне крайне подходит, потому что мой Борис Викторович придержал все же так необходимую сейчас путевку.

— Извини, Глеб, но кажется, эта женщина уже слишком явно тронула мою семью. Поверь, у меня нет желания выставлять тебе условия или требовать что-то… — я смотрю в глаза человеку, которого любила без какой-либо ненависти: — Я всего лишь хочу, чтобы ты оставил меня в покое. Насовсем.

Он мгновенно реагирует качая головой, вижу в глазах мольбу, но мою непоколебимость теперь можно сравнить с металлом. Я не хочу больше страдать. Не хочу быть униженной пожилой супругой, которая из себя представляет лишь дряхленькую старушку. Я хочу жить и радоваться каждому своему дню, потому что достались они мне титаническими усилиями. И правильно говорят врачи, если опухоль давит, ее надо вырезать. Сейчас моя опухоль это — мой муж.

— Вчера пришло оповещение с датой явки в ЗАГС, — озвучиваю дальше: — Встреча как раз до моего отъезда…

— Верунь, пожалуйста, — Глеб подходит ближе к койке, и как утопающий, резко хватает мою руку, сжимая ее и опуская на нее свои губы.

Выдергиваю резко, но не грубо.

— Я пришлю тебе дату и время, когда ты должен будешь явиться с документами, — как ни в чем не бывало я продолжаю: — И если ты хотя бы на сотую долю дорожишь тем, какую жизнь мы прожили, а я хочу в это верить, Рудаков, то ты придешь на эту встречу и подпишешь все, что будет необходимо.

Он проводит рукой по своим седым волосам и отходит от койки, словно мечется внутри себя, как зверь.

— Вер, — обратно возвращается с гримасой боли на лице: — Я не могу тебя потерять, Вер. Не могу.

Глаза наполняются влагой, но это скорее идиотская ностальгия по тому времени, когда я, ощущая счастье, ходила полной дурой.

Смотрю на него, зная, что скажу сейчас то, что наверное не должна… Однако, словно без этих слов не уймется моя внутренняя боль.

— Ты обманул свою семью, Глеб. Всю. И не единожды. А знаешь, доверие — это ведь составляющая любви…Только ты взял мою ниточку веры и раскромсал, как ножницами своим предательством, — вижу как он стискивает челюсти и хватается за поручень койки: — А после такой жестокости не может быть любви. Ты из человека, который меня опекал и спасал, превратился в того, кто уничтожает. — одинокая слезинка стекает из глаз мужчины, а я ощущаю, как душе становится легче: — А я еще хочу пожить, Глеб… Очень хочу, я ведь так долго боролась за это.

Он едва сдерживает свои эмоции, и я вижу как шумно выдувает воздух из легких, а я, закончив свою речь, отворачиваюсь, потому что больше мне ему нечего сказать.

— Прости… — хрипит он, вновь повторяя как пластинка, но мне не нужны извинения. Это всего лишь слова. Его поступки уже сказали все.

— Так, Верочка… Ой, простите, — молоденькая медсестра шумно залетает в палату и тут же останавливается.

— Ничего страшного, Таня, мужчина уже уходит, — улыбаюсь я ей.

Она тут же продолжает шаг и завозит свою тележку в палату.

— Так, ну что, по дому соскучились? — спрашивает она, пока Глеб заторможенно движется спиной на выход .

— Сегодня? — воодушевленно я у нее спрашиваю, на что она загадочно улыбается.

— Вот вам бы всем побыстрее, а потом что? Опять сердечко забарахлит…

— Нет, нет, — уверенно трясу головой и широко улыбаюсь: — Больше нет.

— Нет?! Ну смотрите мне, — грозит она пальцем, вызывая мой тихий смех: — Доктор скоро подойдет, думаю можно готовиться к дому.

Беседуя с ней, я даже не замечаю, как не сводит взгляда за стеклом палаты тот, кто не побоялся потерять свою семью.

Глава 27. Лада

— Ты останешься с папой жить? — Камилла нервно дышит в трубку. А я даже не знаю, что делать.

Понятия не имею. Конечно, я хочу остаться жить в этом доме. Я здесь выросла, здесь моя комната, мне комфортно и привычно.

Но и отец здесь, пока мать в отъезде. Наверно, как только она вернется, он уйдет. Уйдет, ведь?

Самое противное и ужасное, что я с самого детства была папиной дочкой. Он был примером для подражания во всем. Умный, смелый, начитанный, воспитанный, руками работать умеет также хорошо, как и головой. И мне правда казалось, что такая грязь, как измена, никогда не коснется нашу семью.

Помню еще в девятом классе у одноклассницы Таньки Сорокиной разводились родители, она так тяжело переживала этот момент. Плакала, уроки прогуливала. Ее даже к школьному психологу отправляли.

И помню, как мы гнусно за спиной этой бедняжки, обсуждали, что ее отец козел. И что наши отцы никогда так не поступят.

Господи, если это я тогда накликала беду, то я мечтаю забрать свои слова обратно, лишь бы не переживать весь этот кошмар.

Мой папа не мог изменить моей маме. Они идеальные.

Были. Были идеальные в моей голове, я их придумала.

На деле же не все так радужно.

— Ты предлагаешь к тебе пока переехать? — усмехаюсь, — Ками, я люблю своих племянников, но они очень шумные.

— Понимаю. Но…

— Ками, я знаю, что ты очень зла на него. Но, если честно, он места себе не находит. Я не оправдываю его, но походу ему плохо.

— Сам виноват, — тут же огрызается сестра, — Он не имел право на такую слабость, он не имел права так поступать с мамой. Особенно сейчас, когда ей только стало лучше.

Поджимая губы, впитывая в себя весь гнев сестры. Ее понять можно, она очень обижена и разочарована.

Чего не скажешь обо мне… У меня все сложнее в голове. Я ведь знала про ту женщину, знала еще тогда, когда увидела их в первый раз. Я дала папе шанс, мне тоже было больно, но я где-то в глубине души простила и попросила его больше так не делать, закрыв на это глаза.

Он дал мне обещание, которое не сдержал. И мне очень больно от осознания того, что для меня это двойное предательство. Ведь его слова оказались ложью.

И я все еще тут. В этом доме. Рядом с ним.

— Я все равно прихожу сюда спать и есть, в остальном провожу время с Ромой.

— Уууу, — сестра лукаво тянет, — Это твой парень, да? С которым ты тогда уехала с семейного застолья.

— Я, — глупая улыбка растекается по лицу, — Не знаю. Мы официально еще не встречаемся, но что-то между нами точно есть. Я не тороплю события, просто наслаждаюсь временем рядом с ним.

Мечтательно прикрываю глаза. Сложно себе даже признаться, что по уши влюблена. Что этот красавчик, который каким-то чудесным образом обратил на меня внимание, реально проводит со мной почти каждый день.

Хотя вокруг него постоянно вьются девушки. Намного красивей меня…

Пока я думаю об этом, слушая расспросы сестры о том, кто он, мой телефон пиликает. Убирая его от уха, смотря на входящее сообщение.

Моя подружка Лика капсом пишет мне сообщение с большим количество восклицательных знаков, заставляя меня сильно нервничать и тревожиться.

— Ками, погоди.

Я кликаю на ее сообщение.

“ПИЗДЕЦ! ЭТО ТВОЙ ОТЕЦ? Я ЖЕ НЕ ОШИБЛАСЬ?”

И рядом с сообщением прикреплена ссылка на видео, размещенное в запрещенной в нашей стране соцсети.

Дрожащей рукой кликаю по ссылке.

— Лада, что там?

Включаю сначала ВПН и вновь возвращаюсь к видео.

— Щас… Я перезвоню.

Сбрасываю звонок сестры, ничего не объясняя ей.

Включаю рилс на полную громкость. Женщина лет тридцати пяти, может чуть больше, рассказывает, что один мужчина при должности кинул ее беременную, заставил сделать аборт, и что она требует огласки этой истории.

Расказывает про него, как про самого подлого и гнусного человека. А в конце…

Когда я уже не замечаю слезы, текущие по моим щекам, она прикрепляет фотографию моего отца. И называет его имя.

Бросаю телефон на стол, видео крутится на повторе, снова и снова по комнате разнося ее голос.

Горло сжимается от спазма.

Камила вновь звонит мне, прекращая эту пытку, и видео останавливается.

Глава 28. Глеб

— Да, там снова новые нападки, — озвучиваю вышестоящему руководству. — Уже назначены переговоры…

Он ещё что-то вещает в трубку, а я поглядываю на время и прикидываю, что у Веры, наверное, ещё процедуры…

Я, конечно, не особо много знаю, но Лада хоть немного держит меня в курсе. Рассказывает ино

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.